

АНДРЕЙ ЕРПЫЛЕВ

ЗАЗЕРКАЛЬНЫЕ
БЛИЗНЕЦЫ

Андрей Юрьевич Ерпылев

Зазеркальные близнецы

Серия «Зазеркальная империя», книга 1

Текст предоставлен издательством «Армада»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=118939

Ерпылев А.Ю. Зазеркальные близнецы: Фантастический роман:

АРМАДА: «Издательство Альфа-книга»; М.; 2003

ISBN 5-93556-329-0

Аннотация

Вы хотели бы попасть в Российскую Империю? Это так несложно: найдите дверь, ведущую туда, и откройте... Она ведь существует совсем рядом с нами – только протяни руку!

Мог ли представить себе уставший от рутины нынешней жизни вояка – майор российских ВДВ Александр Бежецкий, томящийся в чеченском плену, что он не только обретет свободу, но и окажется в императорской России образца 2002 года и будет вовлечен в самую гущу событий: ощутит на плечах погоны жандармского ротмистра, пожмет руку государя императора, примерит корону европейского монарха и, наконец, обретет близнеца, более близкого, чем брат...

Содержание

Пролог	4
1	11
2	48
3	89
4	112
Конец ознакомительного фрагмента.	118

Андрей ЕРПЫЛЕВ

ЗАЗЕРКАЛЬНЫЕ БЛИЗНЕЦЫ

*Люди бьют зеркала,
но жалеют себя,
понимая, что их
может ждать та же участь.
Чтоб не видеть себя
в отраженьях стекла,
разбивает опять
человек зеркала.*

Группа Д.О.М. Концертный альбом «Нелады»

Пролог

– Бежецкий, на выход!

Александр с трудом стряхнул остатки тяжелого сна. Пере-полненная камера храпит сотней глоток, ворочается в дур-ном забытии, в воздухе, если данную субстанцию можно так назвать, вполне сможет повиснуть пресловутый топор – та-кая здесь стоит вонь. Запах немых тел, давно не стиран-ного белья, испражнений и перегара дешевого табака свалит с ног любого непривычного человека. Непривычного. Он, Александр Павлович Бежецкий, за две недели, проведенные

в этой камере, давно уже стал привычным. Привычным к зловонию, шуму, тесноте, ночам без темноты, очереди к параше и тюремному быту вообще. Он уже не обращает внимания на постоянные стычки между соседями, порой с поножовщиной, благо что его никто не трогает (все попытки бластных «тряхнуть зеленого» он пресек еще в самом начале своего вынужденного пребывания здесь). В этих «апартаментах» вообще никто ни во что не вмешивается. Закон российской тюрьмы: «Не верь, не бойся, не проси...»

– Ты что, Бежецкий, оглох?! На выход, я сказал!

Два мордоворота у двери. Естественно, в кожаных куртках, с расстегнутыми кобурами на поясе. «Двое из ларца одинаковы с лица», – проносится в еще одурманенном сном мозгу полузабытый образ из беззаботного детства. Верзилы действительно похожи как близнецы: оба патлатые, у обоих массивные подбородки, покрытые недельной щетиной, маленькие глазки-буравчики, перебитые носы и, главное, кулаки, напоминающие полупудовые гири. «Пролетарии, – горько подумал Александр, но тут же сам себя поправил: – Люмпены, бывшая шпана конечно».

Заметив, что один из «ларца» – самый нетерпеливый – вытянул из-за спины резиновую дубинку, Александр поднялся на ноги и пошел к двери. Лишний раз получить по ребрам или, хуже того, по почкам ему не улыбалось.

– Давно бы так, – довольно осклабился «близнец» без дубинки и посторонился.

Бежецкий вышел в темный коридор.

– Руки за спину!

Запястья тесно обхватил холодный металл, сухо стрекотнула трещотка наручников. Александр инстинктивно дернулся и оглянулся.

– Не рыпайся, гад!

Дубинка со свистом впиалась в правое плечо, и Александр стиснул зубы от резкой боли: плечо ему повредили еще в момент ареста. Да, уберечься все-таки не получилось.

За спиной поочередно лязгнули дверные запоры.

– Вперед! Не оглядываться!

Александр двинулся по заученному наизусть маршруту. Да, впрочем, в тюремном коридоре было не так уж и темно, как казалось поначалу после вечно освещенной камеры. Глаза понемногу привыкали к полумраку, слегка разбавленному редкими подслеповатыми лампами, забранными сеткой. Позади нестройно топали конвоиры. Александр машинально выполнял их команды: «стой», «лицом к стене», «вперед», минуя решетчатые «шлюзы» один за другим, а мозг сверлила одна мысль: «Почему двое? Почему надели наручники? Неужели...»

Постыдная для многое прошедшего человека паника только усилилась, когда Александра провели мимо знакомого по многочасовым изнурительным допросам следственного кабинета и втокнули в другую, точно так же обитую давным-давно покрашенной суриком жестью дверь, украшен-

ную неровно оторванным тетрадным листком со старательно выведенной печатными буквами, размашистой вначале, но заметно съеживающейся к концу надписью: «Требунал».

В кабинете, столь же неотъемлемой частью интерьера, как стол или стулья, находились четверо в традиционных кожанках. Пара громил-люмпенов («Штампуют их, что ли?!» – пронеслось в голове) и взъерошенный, прямо-таки всклокоченный тип в темных очках с папироской в дрожащих пальцах («Наркоман естественно») сидели за длинным столом, банально покрытым зеленым, местами протертым до дыр сукном. Сбоку, тоже с сигаретой в руке, пристроилась секретарша: яркая, но невероятно вульгарная и потасканная на вид блондинка, вызывающе закинувшая открытую противозастенным мини до невозможности ногу на ногу. Странное дело: при виде этой чуть ли не порнографии Александр, несмотря на зловещую преамбулу, почувствовал некоторый прилив соответствующих сил. Сказывалось двухнедельное вынужденное воздержание здорового тридцатилетнего мужчины. Секретутка, заметив интерес, недвусмысленно ухмыльнулась густо накрашенными губами, выпустила клуб дыма в сторону Бежецкого и лениво поменяла ноги местами...

– Бежецкий Александр Павлович?

Александр очнулся.

– Бежецкий Александр Павлович?

Оказалось, что это ожил один из манекенов за столом –

патлатый.

– Да.

Секретутка с сожалением затушила недокуренную сигарету в помятой консервной банке, заменявшей собравшимся «эстетам» пепельницу, и, с сосредоточенной миной пайдевички имитируя ведение протокола, запорхала обгрызенной ученической ручкой по листку бумаги (похоже, из той же тетрадки, что и «вывеска»).

– Общественное положение?

– Дворянин.

– Род занятий?

– Государственный чиновник.

Патлатый наркоман подскочил как ужаленный:

– Чиновник?! Жандармский палач! Царский опричник!..

– Помолчите, товарищ Пасечник, – привычно и, как показалось Александру, устало одернул «оратора» председатель и, скрипнув стулом, поднялся.

Все присутствующие как-то сразу подобрались, даже секретарша села прямо, поставив на пол обе грешные ноги.

– Гражданин Бежецкий Александр Павлович, за сотрудничество с антинародным режимом и участие в заговоре против власти народа чрезвычайным революционным трибуналом вы приговариваетесь к высшей мере социальной защиты – расстрелу. Слава народу!

– Слава народу! – с готовностью подхватили все присутствующие.

– Приговор привести в исполнение немедленно.

Конвоиры подхватили едва державшегося на ватных непослушных ногах Александра под локти и потащили вон из кабинета. Вслед ему неслись слова варварского гимна: «Отречемся от старого мира...»

После непродолжительного спуска по узкой лестнице приговоренного втолкнули в каморку с бетонным полом с желобом по периметру и со стенами, обшитыми толстыми потемневшими досками. Нарочито грубо, ударив лицом и грудью о доски, Александра, что называется, «поставили к стенке». «Меня же сейчас убьют! Не может быть! Сейчас я перестану жить! Не хочу!.. – колотилось в мозгу перепуганным воробьем. – Позовите священника! Дайте закурить напоследок!» – пытался закричать Бежецкий онемевшим от смертельного ужаса языком и не мог...

– На том свете поку'ишь, может, даже т'авки, ваше благо'одие! – глумливо раздалось позади, и холодный пистолетный ствол, поерзав, властно уперся в затылочную ямку у основания черепа, вдавив лицо ротмистра Александра Павловича Бежецкого, начальника первого оперативного отдела Пятого отделения его императорского величества Особой канцелярии, в сырые, пахнущие плесенью и разлагающейся кровью доски.

Прямо перед глазами Александра в досках чернели пулевые отверстия с неровными разлохмаченными краями.

– Чичас, ваше благо'одие!

Сзади донесся металлический щелчок сдвигаемого предохранителя.

Бежецкий узнал голос Егорова Никифора Ивановича, или Сучка, или Картавого, наркокурьера, застреленного Александром прошлым летом при задержании. Застреленного!! Мертвого!!!

С трудом, преодолевая холодное давление ствола, Александр оглянулся.

Позади, щеря в ухмылке желтые прокуренные зубы, стоял он, Никишка Картавый. Мертвые глаза, и при жизни-то тусклые, как у снулого судака, смотрелись бельмами, на восковом лбу справа темнела пулевая пробоина с ниточкой су-кровицы, тянущейся к глазнице, а с уха нелепо свисала бирка морга. Синие неживые губы нехотя шевельнулись:

– Чичас, ваше благо’одие!..

И тогда Александр закричал. Дико, надрывая глотку, срываясь на визг...

1

Александр рывком сел на постели. В приоткрытое окно вползал серый петербургский рассвет пополам с влажным утренним воздухом, мокрым дурашливым зверьком забираясь под скомканное покрывало.

Содрогаясь от пережитого ужаса, Бежецкий прикоснулся к затылку, еще ощущавшему жесткое прикосновение пистолетного ствола.

– Вставайте, ваше благородие, шесть тридцать пять утра!

Александр с облегчением, длинно, замысловато и непечатно выругался: с мятой подушки, помаргивая зеленым глазком, проникновенно вещал напоминальник, видимо свалившийся с прикроватного столика, куда его имел обыкновение пристраивать на ночь ротмистр. Схватив ни в чем не повинный приборчик, Бежецкий в сердцах грохнул его об пол. Ничуть не пострадавший и, судя по всему, совсем не обидевшийся напоминальник, отлетев куда-то за кресло, продолжал канючить и оттуда:

– Ну что же вы, ваше благородие, вставайте, поздно уже... – И вдруг заорал командным голосом: – Встать, юнкер Бежецкий, встать, па-а-ршивец!

Александр, помянув черта, его мать, бабушку и общим списком всех предков по женской линии до седьмого колена, а также Володьку Бекбулатова и его дурацкие шутки в Се-

ти, потянулся к пачке «Золотой Калифорнии». Колотящееся перепуганной мышью о ребра сердце понемногу успокаивалось. Приснится же такое. «Слава народу»... «революционный трибунал» через «е»... «Рабочая Марсельеза»...

Бежецкий откинул покрывало, поднялся со скрученных в жгут влажных простыней и с наслаждением потянулся. Под ноги попала упавшая с кровати книга в пестрой глянцевой обложке, которую Александр читал на ночь. Тусклым золотом блеснуло название: «Неизбывные пути России», серия «Досье». Черт бы побрал этого полячишку с труднопроизносимой фамилией. Хотя... Вообще-то презанятная книжица.

Александр, не докурив и до половины, ткнул сигарету в массивную пепельницу работы известной фирмы «Фаберже и сыновья» в стиле барокко (подарок от однокашников на тридцатилетие) и, сделав несколько приседаний и наклонов, направился в туалетную комнату. Из огромного зеркала над раковиной на ротмистра Бежецкого привычно глянула знакомая очень отдаленно, как и всегда по утрам, физиономия. Вполне европейское, худошавое лицо с тоненькой щеточкой усов над верхней губой несколько портили всклокоченные волосы и диковатое выражение глаз, впрочем уже угасающее. Вздохнув, Александр сильно потер щеки ладонями, перешагнул низкий бортик, выложенный мраморной плиткой, и обреченно, но решительно повернул «синий» кран. Подумав пару секунд, ротмистр вздохнул еще раз, сделал воду несколько теплее и только после этого встал под бьющие

сверху колючие струи. Стоя под душем, Александр твердо решил ограничить чтение беллетристики на ночь глядя.

Приняв душ, побрившись и стерев на этот раз по-настоящему ледяной водой остатки ночного кошмара, Александр прошел в кухню и, мимоходом ткнув клавишу телевизионного пульта, принялся священнодействовать у плиты. Супруга ротмистра Бежецкого, урожденная графиня Ландсберг фон Клейхгоф, укатила полмесяца назад в Париж, планируя попутно посетить родовой замок в Королевстве Вюртембергском, а также дюжину дальних и близких родственников с приставками «фон», щедро разбросанных по просторам Германской Империи. Среди титулованных немцев, ветви генеалогических древ которых переплетались с аналогичными ветвями вюртембергских Ландсбергов, встречались даже ныне здравствующие монархи, не считая множества почивших в Бозе.

Одна из коронованных особ числилась даже, между прочим, среди близких родичей графини. Эрнст-Фридрих Пятый, великий князь Саксен-Хильдбургхаузенский, приходился Елене Георгиевне родным дядей по материнской линии. Хотя владения этого, кстати в свое время служившего в его императорского величества лейб-гвардии Преображенском полку, монарха даже по европейским масштабам были невелики, если не сказать большего... Александр, бывало, подшучивал над своей супругой, когда ее «заносило», что территорию данной монархии легко можно накрыть если не

великокняжеской короной дядюшки, то уж мантией, отороченной невинно пострадавшими за престиж далекой европейской державы сибирскими горностоями, без сомнения. Однако что ни говори, а юная графиня стояла в очереди потенциальных наследников престарелого князя, не имевшего прямых потомков «мужеска полу», далеко не последней. Александр даже подозревал, что одной из многочисленных целей поездки графини (если не главной) было именно прояснение данного скользкого вопроса, а конкретно – своих в династическом раскладе шансов. При всей ее взбалмошности и милой непосредственности Леночка была по-немецки педантична в подобных, надо сказать малоинтересных мужу, делах.

Ротмистр, за четыре с небольшим года супружества досконально изучивший свою дражайшую половину, не ждал ее раньше середины лета и привычно вспоминал навыки тех не столь уж далеких времен, когда был молодым и свободным, а попросту говоря, холостым. Конечно, существовало множество способов избавиться от ежедневных хлопот, но одни были неприемлемы по объективным, а другие – по субъективным (хм-м!) причинам. К слову, Александр и сам любил иногда вернуться (ненадолго, конечно) к холостяцкому состоянию. Прислуга, естественно, была, но, вышколенная еще Павлом Георгиевичем Бежецким, отставным лейб-гвардии Семеновского полка капитаном, на мужскую половину дома заглядывала редко и только по вызову. Сие, естественно, не

касалось Клары – не то Леночкиной горничной, не то домоправительницы – неопределенного возраста немки, считавшей своим долгом установить полный контроль над Александром, особенно во время отсутствия хозяйки. Но прибегнуть к помощи Клары... Увольте, господа!

По ящику шел репортаж из Таврического дворца. С экрана телевизора опять вещал этот скандальный депутат из Екатеринбургского наместничества: «Я полагаю, шта-а губернаторам...» Пробежавшись по программам, Александр ознакомился с набившей оскомину рекламой полутора десятков всевозможных товаров – от жевательной смолки «Монблан» с каким-то там немецким зубодробительным префиксом, обещающим всем «истинно альпийскую свежесть ротовой полости» (как же, как же, бывали-с мы на этой европейской помойке), до автомобилей «Русско-Балтийский» 450-й серии «исключительных аэродинамических качеств с поистине непревзойденной пневматикой заднего моста». Ненадолго задержал внимание выпуск последних известий.

Симпатичная брюнеточка, обнажая в дежурной улыбке ряд безупречных зубов (не иначе пользуется «Монбланом»... после еды), сообщила о волнениях в южноамериканских владениях испанской короны. В подтверждение промелькнул смазанный видеосюжет с темнокожими демонстрантами, увлеченно швыряющими палки и камни (и весьма напоминающими этим занятием макак в Зоологическом саду) в ошетилившийся щитами и дубинками лома-

ный строй полицейских в глухих шлемах с темными забралами. Дикторшу сменил одутловатый усач средних лет, который, проникновенно поглядывая временами в глаза зрителю, зачитывал по бумажке ноту Министерства внешних сношений относительно вялотекущего магрибо-абиссинского конфликта, затрагивающего сферу жизненных интересов Российской Империи на Африканском континенте. Заинтересовавшись, Александр быстро переключился на гелсингфорский канал. Едва переждав неторопливый поток рекламы, если верить которой, лучше финского масла, леса, бумаги и краски ничего в мире не существует, он узнал мнение по той же проблеме вечно оппозиционного финского сейма. Естественно, данный вопрос в изложении смахивающего на мороженого судака модного телекомментатора Айво Туккинена, обожаемого всеми за неподражаемые образчики искрометного чухонского юмора, выглядел совсем по-другому. Туккинен сменился заставкой тягучего сериала «Мимолетные утехи сельской жизни», живописующего перипетии запутанных отношений крайне малочисленных обитателей нескольких финских хуторов, который, по самым скромным подсчетам, склеивал мозговые извилины благодарных зрителей уже более пяти лет и в обозримом будущем не думал прекращаться. Зевнув, Александр вернулся на «Петергоф-ТВ», где уже обсуждалась забастовка царицынских авиадиспетчеров, донельзя обнаглевших в своих финансовых требованиях. Чертыхнувшись в адрес этих трутней, «мизерное» жало-

ванье которых раз в пять превышало его собственное, Александр еще немного попереключал программы и остановился на музыкальном канале, под чей аккомпанемент и сжевал свой спартанский завтрак.

Еще четверть часа спустя, мурлыкая под нос прилепившуюся мелодию «Бедной овечки», ротмистр сбежал по лестнице и, кивнув вытянувшемуся во фрунт дворнику Нефедичу, опять до солнечного блеска надраившему свою медаль, плюхнулся на сиденье Володькиной «Вятки-Вездехода».

– Здравия желаю, вашбродь! – как обычно скалил зубы Володька Бекбулатов – сослуживец, однокашник, старинный друг-собутыльник и со... (Молчать, господа гусары!)

– Вольно, юнкер Бекбулатов. Кстати, если кто-нибудь еще раз перепрограммирует моего «шмеля», то получит по наглой монгольской...

– Обижаешь, однако, бачка! – Володька, как обычно дурачась, перешел на «казанский» диалект. – Какая монгола, бачка начальник? Буровсшкевича не читала, да?

– Читала, читала. – Александр вкратце, пока автомобиль мчался по Невскому, разбрызгивая ночные лужи, пересказал другу свой ночной кошмар. – И ведь не первый раз уже. Ленка меня сколько раз будила, когда я орал во сне.

– А не сходить ли тебе, Саша, к психоаналитику? – уже серьезно посоветовал Бекбулатов. – Я тут знаю одного на Лиговке. То ли хивинец, то ли афганец, одним словом, ази-

ат-с... Помнишь анекдот?

Володька снова захохотал. Никогда он, паршивец, не мог оставаться серьезным дольше минуты. Отличный оперативник, весельчак и повеса, убежденный холостяк, штаб-ротмистр князь Владимир Довлатович Бекбулатов был заброшен в Охранное Отделение неисповедимым капризом судьбы и вечно сожалел о своем потерянном навек гусарском мундире. Прославленный же поручик Ржевский был просто-напросто его кумиром.

Очередной день вступал в свои права.

Отдел функционировал в обычном режиме. Тихо, но нудно, как мухи в жару, гудели, навевая сон, освежители, пощелкивали клавишами персоналок барышни, изредка поскрипывали друкеры, выплевывая отпечатанные страницы, а через неплотно прикрытую, в нарушение всех строжайших инструкций, дверь курительной комнаты доносились взрывы прямо-таки лошадиного ржания. Видимо, Володька опять притащил от своих дружков из Сумского гусарского порции свежих анекдотов, которые вскоре, заставляя пунцовать стеснительных барышень, тараканами расползутся по всему управлению.

Александр за стеклом своего начальственного кабинета-аквариума едва не клевал носом над ежемесячной сводкой, когда вкрадчиво замурлыкал один из выстроившихся в ряд новеньких кремовых «сименсов». Сняв трубку и дежур-

но представившись, он услышал добродушно-снисходительный начальственный баритон:

– Не помешал, Александр-г Павлович? Зайдите-ка, пожалуйста, ко мне, батенька.

Что опять понадобилось этому старому хрычу? Вызовы к шефу отделения, генерал-лейтенанту князю Корбут-Каме-нецкому, обычно ничем хорошим не кончались. Поднимаясь в лифте на пятнадцатый этаж, где свил гнездо этот, по выражению местных острословов, птенец гнезда Орлова, помнящий еще Великий спад сороковых и чуть ли не русско-английскую и русско-японскую войны, Александр мысленно перебирал в уме возможные темы потенциального разноса. Радоваться было особенно нечему. Наркота, несмотря на облавы, шла непрерывным потоком, затапливая не только окраину столицы, но и самый ее центр, если не сказать большего... Сеть внедренных агентов, скрупулезно подготовленные и ювелирно проведенные операции не приносили желаемого результата. Курьеров и торговцев арестовывали сотнями, но они возрождались тысячами. Скандалы с участием сынков и дочек «та-а-ких» персон, что судачили о них повсеместно и ежечасно, правда, только шепотком, потрясали Санкт-Петербург с регулярностью полуденного выстрела пушки Петропавловской крепости. Поговаривали, что его императорское величество намедни изволил выразить крайнее неудовольствие... Короче говоря, император наорал на шефа Жандармского Корпуса фельдмаршала князя Орлова,

после чего следовало ждать резонансных колебаний по нисходящей.

Его светлость генерал-лейтенант князь Корбут-Каменецкий изволил превратить свои апартаменты в сверхсовременном здании корпуса, расположенного за Охтой, дабы не осквернять своими геометрически безукоризненными линиями центр столицы (хотя ее создателю – Петру Великому – это творение высочайше обласканного модного ныне архитектора Ираклия Багдасаровича Джапаридзе, несомненно, пришлось бы по вкусу), в нечто среднее между апартаментами Екатерининского дворца и будуаром мадам Помпадур. Напоминающий своим сморщенным личиком и тощей шейей, торчащей из воротника лазоревого мундира времен позапрошлого царствования, старую черепаху, генерал при виде вошедшего ротмистра изволил приподняться из своего монументального кресла:

– Зд-гавствуйте, зд-гавствуйте, Александрг... мм... Павлович.– Радужный жест ручкой.– П-гисаживайтесь, батенька, окажите милость, в ногах п-гавды нет, хе-хе-хе!

Усадив «гостя», генерал нажал кнопку на пульте, вмонтированном в необъятный стол, и небрежно бросил вбежавшему вестовому:

– Позаботься, голубчик!

За появившимся вскоре чайком (с непременно ситным и сладостями) генерал долго, грассируя по давно минувшей гвардейской моде, ворковал на темы всеобщего падения нра-

вов, отсутствия в обществе былого уважения к мундиру, расспрашивал собеседника о здоровье супруги, дражайших родителей, особенно папеньки, которого знал еще... словом, вел обычный светский разговор на темы, далекие от дела. Постепенно ротмистр, несколько расслабившись, стал слушать старческое пустословие генерал-лейтенанта вполуха, а тот как-то незаметно поднялся и начал расхаживать по кабинету, заложив руки за спину. Монотонный стариковский говорок вкупе с мягким покойным креслом действовали так усыпляюще, что неожиданный вопрос шефа прозвучал для Александра как гром с ясного неба:

– Скажите, ротмистр, вам знакома некая секта «Сыны Ашура»?

– Ну и что?

– А ничего. Эта организация, по данным Третьего Отделения, появилась в Питере в конце восьмидесятых. Ее пытались разрабатывать, внедряли агентов, но лет пять назад, убедившись в полной политической нейтральности, отступились, оставив лишь поверхностный надзор. Святейший Синод тоже не имеет к ним каких-то особенных претензий, так как «Сыны» откровенным миссионерством вроде бы не занимаются, оргий и жертвоприношений не совершают, в полемику с православной церковью не вступают... Одним словом, по всем статьям выходит очередной интеллигентский бред: своего рода коктейль, да какой там коктейль, самый подлейший ерш из откровений Блаватской, восточных веро-

ваний и прочей безобидной чепухи. Руководит этим образованием некий Ефим Никитович Ашкенази...

– Масоны? Сионисты?

– Ничего подобного. Бывший приват-доцент Екатеринбургского его императорского величества Петра Великого государственного университета. Преподавал естественные науки, в частности зоологию (что-то там не то брюхоногое, не то пластинчатокрылое), до тех пор, пока не сбрендил на почве Востока. Посещал в свое время Индию, Китай, Сиам и так далее. Бросил семью (между прочим, заметь, шестеро детей), не общается с родственниками...

– При чем же здесь наркота, Саша?

Володькин автомобиль мчался по вечернему Петербургу. В ветровом стекле отражались, убегая назад, огни многочисленных реклам.

– Непонятно. Но из тридцати с небольшим курьеров, задержанных в прошлом месяце, четверо являются членами секты «Сыны Ашура». Негласный обыск в штаб-квартире ничего не дал, установили жучки – как «ушки», так и «глазки», – но пока безрезультатно.

– А...

– Меня больше всего смущает то, что секта связана с Екатеринбургом. Даже не с самой столицей наместничества, а с Челябинском. Урал, провинция, отдаленность от границ...

– Ну, скажем, не настолько уж и отдаленная, да и не такая уж и провинция... Ты представляешь, какие там встречаются

ся дамы?

Александр было неловко сообщать другу неприятную весть, но тот кроме всего прочего был еще и подчиненным по службе...

– Вот и возобновишь старые знакомства.

Володька так резко ударил по тормозам, что сзади недовольно загудели.

– Что? Ты меня посылаешь в эту глушь? В провинцию?!

– Ну, скажем, не такая уж и провинция...

– Да ты там бывал хоть раз? Ты представляешь, какие там...

– Ладно, штаб-ротмистр, поехали.– К стихийно возникшей пробке грузной трусцой уже приближался полицейский чин дорожной службы, но, уже издали разглядев номера, только вытянулся и взял под козырек. Александр в ответ кивнул.– Не стоит, право, сцены посреди мостовой устраивать. Моветон, князь...

Бекбулатов нажал на газ, но гнал автомобиль, упорно не отвечая, по-детски дуясь, словно мышь на крупу.

«Как дитя малое, в самом деле!» – с досадой подумал Александр, делая очередную попытку разговорить друга:

– У тебя что, дела неотложные? Небось очередная пассия, а?! – Александр шутливо ткнул князя в бок.– Поделись!

Володька только досадливо отмахнулся, но тон, видно, был взят верный.

– Ну ведь не сейчас ехать, Володя, и не завтра...

Недовольство мгновенно улетучилось. Володька просиял:

– Когда же, mon general?

– Дня через два-три. Билет, правда пока без даты, уже заказан. Вылетишь рейсом Санкт-Петербург – Екатеринбург коммерческим классом. Оттуда, – ответил Александр на немой вопрос, – автомобилем или поездом до Челябинска. Операция секретная, – пояснил он. – Кроме того, ты знаешь, завтра мы встречаем Кулю из Варшавы, а куда я без тебя денусь?!

Через минуту размолвки как не бывало, Володька снова весело крутил баранку, взახлеб рассказывая новый анекдот, но Александр слушал его вполуха. Сам не желая того, он снова и снова прокручивал в голове утренний разговор...

Когда Александр, изложив то, что ему было известно о вышеупомянутой секте, уже окончательно расслабился, считая причину вызова к Корбут-Каменецкому исчерпанной, тот вдруг выдал:

– Да, батенька, я же позабыл совсем... Простите, ради бога, старика, сделайте милость. – Картавинка в его речи незаметно куда-то подевалась.

– Простите, о чем вы, Алексей Сигизмундович?

Генерал торжественно уселся в свое кресло-монстр и потер сухонькие ладошки, сильно напомнив в этот момент суслика (что за зоологические аналогии лезут в голову, право слово).

– Как говорится, хорошее напоследок, на сладкое, так сказать, хе-хе, на десерт...

Александр искренне недоумевал. Он перебрал уже все возможные причины и просто не знал, за что зацепиться.

– Поступило, Александр Павлович, высочайшее повеление включить в штат личной охраны его императорского величества специалиста по нашему ведомству. По борьбе с обращением и употреблением наркотических средств, то есть. Лучшие специалисты, батенька, в вашем отделе... – сообщил старик и сделал эффектную паузу.

Александр молчал, и Корбут-Каменецкий, видимо слегка обидевшись, продолжил:

– ...поэтому мы, я в частности, и решили рекомендовать сотрудника из вашего отдела.

– Кого именно? – механически поинтересовался ротмистр, уже перебирая в уме сотрудников. Всех он знал как себя, поэтому листать личные дела не было необходимости. Черт, терять любого из них сейчас было бы крайне нежелательно. Разве что вот новичок, поручик Голицын... Хоть и княжеской фамилии юноша, а что-то не тянет для оперативной работы... жидковат... Или именно благодаря княжеской?..

– Вас, Александр Павлович!

Сказать, что Александра эти слова огорошили, значит не сказать ничего. Вот это удар! Конечно, повышение, прибли-

жение, так сказать, к персоне, привилегии соответственные, уважение, жалованье... Леночка, наконец, будет рада. Она, кстати, равнодушна к карьерным успехам (неуспехам?) мужа, и вообще, но... Отдел-то как бросить, ребят, Володьку в частности? Александр попытался еще побарахтаться и не нашел ничего лучшего, чем судорожно пошутить в Володькином гусарском стиле:

– А кто, извините, Алексей Сигизмундович, там «дурью»-то балуется?..

«Черт бы побрал это повышение. Только утром ведь позавидовал этим канальям авиадиспетчерам, и вот...»

Не спеша спускаясь по лестнице, чтобы хоть слегка остыть от неожиданного «воспламенения» старика, внезапно сменившего милость на гнев и обрушившего на голову шутника грома небесные, Александр думал еще и о том, как будет объясняться по поводу своего повышения с отцом. Отец, отставной лейб-гвардии Семеновского полка капитан Павел Георгиевич Бежецкий, ревностный в прошлом служака, ветеран четырех войн, искренне не любил, если не сказать большего, спецслужбы вообще, а дворцовую – в особенности. Он и само решение Александра перейти из армии в Корпус воспринял как личное оскорбление и два года не то что не разговаривал – руки не подавал сыну, несмотря на заступничество матушки... Старой закалки батюшка, старой... Кроме того, сильно волновал вопрос о том, кто из

многочисленной титулованной родни, несомненно из самых лучших чувств, поспособствовал «родному человечку». Если это дело рук (вернее, излишне длинного языка) Ленкиных теток, чересчур активных пятидесятилетних (с небольшим, ну с очень небольшим!) старых дев, вхожих к вдовствующей императрице-матери на правах доверенных подруг-конфиденток и по совместительству вечных лейб-фрейлин, то становится ясна причина столь поспешного ее отъезда... Черт, нет, завтра после операции. А смысл? Светский «телеграф», конечно, сработал безотказно, как всегда намного опередив официальное решение.

Безусловно, ротмистр покривил душой, сыграв перед стариком Корбут-Каменецким недоумение. Кому еще, как не ему, было знать, что вездесущая «дурь» уже давно и прочно проникла в святая святых Империи – Зимний дворец. Большинство представителей высшей знати для обострения чувств эпизодически – одни чаще, другие реже – прибегали к тому или другому «средству для расширения сознания». Слава богу, употребления героина и прочих тяжелых снадобий пока не отмечено, но «травка», «снежок» и прочая, и прочая, и прочая... Поговаривали, что нюхивал даже сам светлейший, в перерывах между неустанными заботами о благе Отечества... Да что там светлейший... А что говорить о фрейлинах, камер-юнкерах и прочей сиятельной дребде-ни? Слава богу, о цесаревиче и великих княжнах ничего такого не слышно...

Кивнув удивленно вытянувшимся во фронт встречному вахмистру-вестовому, Александр наконец остановился на площадке десятого этажа и все-таки вызвал лифт. Переживания переживаниями, а время действительно деньги. Да и нижних чинов лишний раз смущать не стоит. Новые веяния новыми веяниями, демократия демократией, но...

– Саша! А не закатиться ли нам по старой памяти... – отвлек Александра от невеселых раздумий неунывающий Бекбулатов.

– Ваше сиятельство, Вольдемар, как вы можете приставать ко мне с такими пошлыми предложениями? Вы разве не в курсе, что штаб-ротмистр Бежецкий, горький пьяница и б... н, не так давно преставился, перед безвременной кончиной все свое состояние оставив тезке и однофамильцу, убежденному трезвеннику и примерному семьянину ротмистру Бежецкому?

– Все понял, начальник! Так куда подбросить трезвенника и примерного семьянина: домой или...

Александр повернул к другу голову и пристально посмотрел в наглые карие, с заметной раскосинкой глаза экс-гусара.

– Слушай, Володя, надеюсь, ты не раззвонишь по этому поводу в своей гусарско-б...ской среде?

– Ротмистр, как вам не стыдно матерно выражаться в присутствии робкого и наивного, почти что девственно чистого...

– Слушай, девственник, брось трепаться! Достал уже.

– Ну что за плебейские выражения, граф! Так куда: домой или...

– Или.

– Поздравляю, ротмистр! Неужели мадам N уже не сердится на ветреного ротмистра?

Александр, снова отвернувшись к окну, чтобы не расхотаться, начал старательно, нарочито выдерживая архаичный стиль, цитировать дуэльный кодекс. Володька с готовностью подхватил:

– А поелику упомянутая персона зело...

Дурачась, они мчались по ночному городу, и Александр все откладывал, не мог сообщить другу, что скоро тому придется привыкать к другому шефу. Конечно, дружить им никто не запретит, но... Что ни говори, между Дворцовой набережной и Охтой дистанция огромного размера.

«Вятка-Вездеход», скрипнув тормозами, затормозила у знакомого дома. Александр толкнул мягко чмокнувшую дверь автомобиля и, шутливо кинув к воображаемому козырьку два пальца, не оборачиваясь, зашагал в пахнущую сиренью темноту.

Пройдя недлинной аллеей, он остановился у высокого крыльца в стиле прошлого века. Предательское сердце, словно после давешнего сна, колотилось, как у сопливого кадета. Не решаясь, Александр постоял, глубоко дыша и стараясь хоть немного успокоиться...

Короткий автомобильный сигнал разрезал ночную тишину подобно кинжалу, вонзившемуся в незащищенную спину. Обернувшись, Александр увидел, как, разворачиваясь, Володька адресует ему, опустив стекло, не очень пристойный в приличном обществе жест. Погрозив паршивцу кулаком, ротмистр решительно вдавил кнопку старомодного звонка.

Маргарита, как и раньше, принимала гостя в будуаре. Александр всегда поражался этому дому, словно сошедшему со страниц классического романа, вышколенной прислуге в старомодных ливреях, неслышно скользящей призраками осмнадцатого столетия по сверкающему паркету, да и самой хозяйке. Попадая сюда, он как будто в уэллсовской машине времени перескакивал на пару столетий назад. Впервые эта дверь открылась перед Александром еще в бытность одного поручиком, и как будто не было прошедшего десятка лет. Снова трепет в груди и предательская слабость в ногах. И она...

– Вы еще не забыли меня, граф?

Небольшого роста, хрупкая, неброская женщина средних лет, тихий голос, мягкий акцент. Почему эта женщина имеет такую власть над ним, Александром Бежецким, мужчиной, на которого заглядываются многие светские львицы, признанные красавицы и сердеедки, удачливым, довольно знатным, далеко не нищим... Сколько раз после бурных сцен он уходил отсюда, наотмашь хлопнув дверью, давая себе страш-

ную клятву, что никогда, никогда... И всегда возвращался. Возвращался, как побитый щенок. И она всегда принимала его так, как будто не было обид, не звучали слова, после которых душевные раны не затягиваются никогда... Наверное, только эта женщина, кроме матушки, по-настоящему его любила.

Александр знал о ней все и не знал ничего. Естественно, в свое время ротмистр Бежецкий изучил все, что имелось на баронессу фон Штайнберг, уроженку Лифляндской губернии, происходившую из захудалой ветви многочисленных остзейских баронов, в доступных ему материалах архива Корпуса (а доступно ему было весьма-а многое), но никогда Саша Бежецкий не признался бы в этом Маргарите... А в душу ее пробиться он так и не сумел. Темным, покрытым первым хрупким ледком осенним омутом иногда казалась ему душа этой женщины, опасной и влекущей бездной...

– Ну что же вы стоите у порога, граф, проходите, в ногах правды нет.

Второй раз за день услышав эту сермяжную мудрость, Александр, пронзенный прихотливым зигзагом ассоциаций, вдруг похолодел: «А если она?..»

А что? Баронесса фон Штайнберг вполне могла оказать ему эту услугу. Она достаточно влиятельная женщина, лет пятнадцать назад играла не последнюю роль при дворе «Божьей Милостью Александра Четвертого, Императора и Самодержца Всероссийского, Царя Польского, Великого Князя

Финляндского и прочая, и прочая», и прочая, упокой господи его грешную душу. Не только по рассказам старших, но и по собственным впечатлениям кадетской поры Александр помнил бурную и полную интриг эпоху, стремительного, как метеор, правления своего августейшего тезки, прожившего целую жизнь в ожидании своей очереди на престол Российской Империи и едва успевшего им насладиться. Конечно, времена проходят, но связи при дворе у нее могли остаться. Ревность знакомо сжала сердце.

Баронесса закрыла пухлый роман, который читала перед приходом Александра, подошла, положила свою узкую, прохладную ладонь на его запястье и заглянула снизу вверх в глаза:

– Мой бог, Александр, я не узнаю вас сегодня. У вас был тяжелый день?

Насильно усадив Бежецкого в кресло, баронесса хлопотала, как провинциальная тетушка, отдавая приказания одной прибежавшей на звонок горничной, деятельно руководя другой, накрывавшей небольшой столик, успевая что-то шепнуть на ушко третьей и одновременно расспрашивая о том и о сем дорогого гостя.

А потом они сидели рядом, пили темное сладкое вино и говорили обо всем и ни о чем. Изредка позвякивало серебро столовых приборов и хрусталь бокалов, поскрипывала старинная мебель, жившая своей собственной жизнью... А за окном пел соловей. Совсем летняя, душная ночь. Отвлечься

немного – и уже не верится, что вокруг спокойно спит пятнадцатимиллионный мегаполис.

Хорошее выдержанное вино незаметно, не вульгарно поводочному, а изысканно и вкрадчиво начинало дурманить утомленную долгими дневными хлопотами голову. Куда-то отступила неловкость, скованность первых минут, и Александру уже казалось, что он так никуда отсюда и не уходил, не было почти двухгодичного тайм-аута, взятого обоими. Опять милый абрис лица, нежные локоны на висках, огромные глаза Риты так близко. В их светлой северной глубине, кажется, снова горит тот самый огонь, что всегда сжигал без остатка все благие намерения...

Александр внезапно очнулся и понял, что в благоуханном воздухе будуара давно висит тишина и даже соловей за окном, словно устыдившись своей нетактичности, замолчал. Бежецкий вдруг остро всем сердцем осознал всю никчемность сегодняшнего визита. Все было сказано еще два года назад, пора было уходить. Уходить прямо сейчас, иначе...

– Так в чем же, граф, скрытая причина вашего визита к скромной затворнице?

Александр вдруг, сам не ожидая того, неловко поднялся и шагнул к баронессе. Качнулся хрупкий столик, зазвенели падающие бокалы...

– Граф, вы стали таким неловким...– Ее глаза смеялись и манили.

«Бежать, бежать отсюда!» Но стоило коснуться легкого

шелка на плече баронессы – и последние сомнения отлетели прочь. Александр обнял свою Маргариту, мимолетно подумав, что кобуру с револьвером нужно было бы предварительно снять.

– Граф, что вы делаете? – Голос ее звучал томно, с придыханием.

«Что я делаю?» – Сознание еще пыталось сопротивляться.

Душная ночь, наконец сломав все препоны, рекой хлынула в комнату, сразу ставшую маленькой и тесной, неумолимым потоком подхватила истосковавшиеся друг по другу тела. «Что я делаю?» – Еще раз мелькнула в голове Александра последняя связная мысль, и он захлебнулся сладкой волной ночного прилива, больше не пытаясь сопротивляться...

А потом их качал прибой, и полная луна светила в ставшие юными и беспечными лица. «Что вы делаете, граф?» – шептала задыхающаяся от страсти ночь на тысячу голосов... При чем здесь высокие материи, при чем какие-то там соображения, когда разыгрывается древнейшая из пьес, когда двое наконец находят друг друга...

Варшавский вокзал, как обычно, поражал царящей повсюду суетой. Этому «окну в Европу» явно недоставало чопорности Финляндского или основательности Московского. Несмотря на все предупреждения и запрещения, вокзал кишел азиатскими и еврейскими лоточниками, вечно куда-то

кочующими цыганами, подозрительными шустрыми личностями, проститутками и прочим криминальным элементом. Хотя то тут, то там сторожевыми башнями возвышались мордастые городовые, с высоты своих, не ниже высочайше предписанных, одного метра восьмидесяти пяти сантиметров невозмутимо озирая толпу, живущую своей особенной жизнью, никого, похоже, это обстоятельство не смущало. Конечно же всем, включая начальство, было известно, что этим вчера еще деревенским парням, набираемым по преимуществу из финнов и эстляндцев, понемногу приплачивает вся местная шпана, но открытого беспорядка они не допускают, и на том спасибо.

Озирая перекатывающуюся перед ним жрущую, орущую, матерящую толпу, ротмистр Бежецкий тоскливо вспоминал чистенькие и ухоженные вокзалы Германии, Франции, Швейцарии, да хотя бы и того же Царства Польского. Неужели такой беспорядок, хамство и грязь – удел одной многострадальной России? Расстилавшееся перед ним живописное полотно напоминало ротмистру скорее печальной памяти рыночную площадь Герата, чем вокзал крупнейшей из европейских столиц...

Ага, а вот и Володька, наряженный, как и ожидалось, под прибалтненного. Кургузая кожаная безрукавка (голые руки покрыты со знанием дела выполненными наколками), широченные шаровары, синяя кепка-джинс козырьком назад, круглые темные очки, к губе прилипла папироска. Шпана

да и только. Даже клипсу к уху приспособил, стервец. Жуя смолку, руки в карманах, мастерски имитируя криминального типчика, он, казалось бесцельно, шатался по перрону. Вот о чем-то заговорил с двумя казаками, тоже лениво томящимися на солнце. Молодые парни в камуфляжных «распашонках» лениво покуривали в сторонке над огромной грудой стандартных вещмешков и набитых под завязку баулов, крохотные синие бескозырки с красными околышами донцов непонятно на чем держатся на чубатых головах, сдвинутые куда-то на ухо. Видимо, прижимистые станичники охраняют багаж остальных, подавшихся, скорее всего, за водкой. Можно понять служивых: через пару дней им заступать в караул где-нибудь под Краковом... Чего он к ним привязался, обращает ведь на себя внимание! Запрещено казачкам со шпаной якшаться – всем известно. Вот и городской уже туда направляется. Ишь как трещит черный мундир на чухонских телесах, раскормленных на каком-то крепком эстляндском хуторе. Отсюда видно, как пот с него градом катит: жарко и муторно этакому слону под не по-весеннему и не по-питерски горячим солнышком.

Володька что-то примирительно говорит полицейскому, по-блатному растопырив пальцы на левой руке, но при том не вынимая правую из кармана. Александру кажется, будто он слышит: «Ша, господин городской, я уже ухожу... а што это-таки у вас?..» Шея почти двухметрового амбала-городового, и без того уже пунцовая, кажется, начинает дымить-

ся. Он угрожающе отстегивает от пояса дубинку, но Володьки там уже нет, он растворился в толпе, да и служивые бочком-бочком отодвигаются подальше.

Александр подносит к губам «шмеля»:

– Хан, слышишь меня? Давай без самодеятельности, как понял?

– Ладненько, ладненько...

– Клоун!

– Так точно, вашбродь!

Александр досадливо «прихлопнул» его волну и провел перекличку:

– Первый.

– Есть.

– Второй.

– Есть.

– Ерш...

Все, как и ожидалось, были на своих постах. Операция подходила к кульминации. Словно в соответствии с планом над головой раздалось:

– Дамы и господа, скорый поезд «Варшава – Санкт-Петербург» прибывает к первой платформе. Повторяю...

Александр понаблюдал на экране графического процессора за перемещением цветных точек, стягивающихся к месту остановки пятого мягкого вагона, отметив слаженность действий оперативников, которые этими точками и были обозначены. Все, пора! Кивнув водителю, Александр начал по-

тихоньку продвигаться к автостоянке.

Поезд уже подползал к перрону. Вот он замер строго у надлежащей отметки, и кондукторы каждого вагона сделали отрепетированный шаг наружу. Александру с детских лет нравилось наблюдать за этими почти балетными движениями. О безоблачные детские годы... С трудом уговорив свою няню, Сашенька готов был часами торчать на перроне, встречая поезда из Варшавы, Парижа... Полузабытые воспоминания, улетевшие грезы...

Толпа встречающих уже подступила вплотную к вагонам. Александр видел, как курьер, известный по донесениям варшавских коллег как Куля («пуля» по-польски), подтверждая свою кличку, стремительно выскочил на перрон. Его сопровождали два крепких, одетых по варшавской моде типчика. «Предусмотрительно», – отметил про себя Бежецкий. Кто же его встречает? Ага, вот и они. Один из прилично одетых господ через головы встречающих помахал Куле зажатым в кулаке пучком гвоздик. «Конспираторы х...» – куражливо пискнул напоминальник Володькиным голосом.

Ротмистр видел, как Кулю с эскортом и четверых встречающих технично взяли в «коробочку» и повели к автостоянке. Оставалось только захлопнуть мышеловку, взяв и гастролеров и местных под белы ручки в относительно безопасном закутке перед стоянкой, загороженном со всех сторон ларьками, и операцию можно было бы считать законченной. «Закладку» в туалете вагона подменили еще в Вильно, а паль-

чки Кули надежно зафиксировали. Сейчас в поезде должны брать человека, скорее всего уборщика вагонов, который извлечет завернутую в полиэтиленовую пленку «куклу» из водяного бачка.

«Шмель» снова пискнул, и Александр, следя за обстановкой на перроне, не глядя нажал клавишу.

Володька уже подобрался к Куле, чтобы контролировать его правую руку (Куля заслужил свою кличку не только быстротой передвижения, но и виртуозной стрельбой). Осталось совсем немного...

– Шеф, адресата взяли. Все...

Александр повернулся к своей машине и... Многоголосье женский визг и треск выстрелов заставили его стремительно обернуться.

Как всегда вмешался Его Величество Случай. Оказывается, давешний городской тоже заметил Володьку, и все это время непреклонно двигался к нему через весь перрон, на ходу вызывая подмогу по карманной рации. Комичный в общем-то случай обернулся драмой: уголовники, увидев представителя власти, направляющегося к ним, всполошились.

«Коробочка» среагировала профессионально, но двое поляков все же успели открыть огонь. Полицейский, пронзенный сразу десятком пуль (как промахнуться-то в такую мишень), еще оседал с несказанным удивлением на лице, стремительно теряющем свою цветущую окраску, а оперативники уже профессионально стреножили почти всех, припеча-

тав жесткими от надетых под куртки бронежилетов телами к горячему асфальту. Почти всех.

Молодой спутник-телохранитель встречающего лихо вывернулся из рук оперативника и в упор прошел его короткой очередью из пистолета-пулемета. Ротмистр с болью увидел, как из спины Лешки Голицына полетели клочья куртки и кровавые ошметки: на таком расстоянии да из такого калибра...

Поляк, размахивая оружием, отскочил в сторону и, профессионально сбив с ног прилично одетого господина, прижал к себе его спутницу.

– Стоять, курвы! – истошно заверещал молодой и перетрусивший, но все же опасный, как гадюка, «шакаленок». – Пристрелю эту б...! Броню на землю!

Волей случая, не подозревая врага в замершем у дверцы солидного авто господине, он оказался спиной к Бежецкому. Александр, не думая, автоматически выхватил из кобуры револьвер. Инстинкт, опережая разум, диктовал телу наиболее удобное положение для стрельбы, глаза намечали цель...

Оперативники, не торопясь подниматься со стреноженных бандюков, как бы в нерешительности переглядывались. Такая реакция, рассчитанная на усыпление бдительности преступника, отрабатывалась неделями. Володька по-крабьи, боком плавно двинулся по дуге, заходя с фланга, но бандит оказался совсем не дураком и среагировал быстрее. Прикрываясь обмершей от ужаса дамой, он резко выбросил руку

с «машинкой» в сторону оперативника и, не целясь, нажал спуск...

Бекбулатова очередь крутануло на месте и плашмя кинуло на асфальт...

«Володька!» – Александру показалось, что он крикнул это на весь вокзал...

Револьвер дважды прыгнул в руке, и Бежецкий, не глядя на рухнувших женщину и бандита, кинулся к упавшему другу. За спиной затопали разом ожившие оперативники, кругом слышались свистки городских и сирены подъезжавших полицейских машин, вызванных еще злополучным чухонцем. Страшась, Александр схватил лежавшего ничком штаб-ротмистра за плечи, против всех правил оказания первой помощи, рывком перевернул на спину и... получил шутиливый тычок в грудь.

– Я же говорил, что наши кирасы – говно! Во, шведский! – Володька распахнул разорванную слева в клочья куртку, открыв бронежилет «Карл-Густав» камуфляжного цвета, впрочем, тоже испорченный страшными «ингрэмовскими» пулями. Из прорехи весело торчала «солома» порванного верхнего слоя кевлара.

Бежецкий в сердцах плюнул и поднялся на дрожащие ноги.

На месте происшествия уже кипела работа. Невредимую, но находящуюся в глубоком обмороке даму, пробывшую тридцать секунд заложницей, уже укладывали на носилки,

бережно пристегивая страховочными ремнями. Над стонущим (слава Всевышнему!) Голицыным склонились врачи, шестерку арестованных запихивали в «воронок», а цепочка полицейских оттесняла напирющую толпу, в которой уже крутились, щелкая блицами, вездесущие стервятники-репортеры.

Александр постоял немного над бездыханным чухонцем. Голубые глаза того уже потускнели, короткие, раньше бесцветные, а теперь яркие по сравнению с восковым лицом волосы постепенно намокали в огромной луже крови. Перекрестившись, Александр наклонился и прикрыл лицо вчерашнего деревенского парня свалившейся фуражкой. Скоро где-нибудь под Юрьевом завоюет мать, а может быть, и невеста или жена...

Володька сзади хлопнул Бежецкого по плечу:

– Смотри! Просверлю и на шею повешу! – Бекбулатов с гордостью протягивал на ладони слегка деформированную пулю, похожую на толстенький цилиндр, наверное выковырнутую из распоротого кевлара. – Во! Чуть-чуть нижний слой не пробила. Еще чуток – и кранты котенку!

Александр покатал тупоносую, отливающую латунию, тяжелую вещицу между пальцами и, размахнувшись, не глядя запулил ее в пространство.

– Тебе из них уже и так ожерелье впору делать. Как папуасу. Всё, я сказал! Галопом в машину!

Александр сидел перед телевизором и потягивал через соломинку коктейль «Релаксация»: водка с водкой и льдом. На экране разворачивался сюжет нового германского, соперничающего с ханжонковскими, фантастического боевика. Здоровенный австрияк Шварценеггер, изображающий робота, мчался на огромном мотоцикле по улицам города, изредка постреливая из помповушки в своего преследователя, тоже робота, но более совершенного (уже наш «качок» Севостьянов). Первая серия этого захватывающего фильма под интригующим названием «Беендер» («Уничтожитель») собрала в Европе больше полумиллиарда крон, и Кэмерон, не так давно перебравшийся из-за океана в процветающую Саксонию, теперь плодил своих «Беендеров» под порядковыми номерами каждые два года с регулярностью крупповского гидравлического пресса.

Несмотря на увлекательное зрелище, на душе было мутно. Скорее всего, поездку Бекбулатова в Екатеринбург придется отложить. Утром, после памятной перестрелки на Варшавском вокзале, по дороге в управление Володьке вдруг как-то сразу поплохело, он стал отвечать невпопад, позеленел и сник. У ворот клиники Вагнера, оказавшейся по дороге, он потерял сознание окончательно. Выскочившие санитары бодренько упаковали бесчувственного штаб-ротмистра в носилки и утащили куда-то в недра здания, а вышедший несколькими минутами позже очкастый и бородатый эскулап, профессионально потирая огромные, распаренные как

у прачки лапы, радостно сообщил, что господин Бекбулатов, вероятно, задержится в их гостеприимном заведении «днейков на пятнадцать, батенька, ранее не обещаю», так как у него кроме сотрясения мозга (интересно, где он у Володьки нашел этот орган, для гусара прямо-таки неприличный) наличествуют два раздробленных (!) ребра и обширное внутреннее кровоизлияние. В связи с этим оптимистическим заявлением доктор Волькенштейн, поправляя толстые линзы на мясистом носу, вкрадчиво поинтересовался наличием у вышеозначенного господина медицинской страховки. На ворчливый совет Бежецкого выяснить данный вопрос у пациента (честно говоря, Александр мало интересовался финансовыми делами друга по причине врожденной деликатности) не в меру меркантильный слуга Гиппократ, разведя руками, сообщил, что еще несколько часов это будет затруднительно, так как пациент находится под общим наркозом в операционной.

Поблагодарив медика и заверив, что без средств для оплаты его, Волькенштейна, услуг пациента не оставят, Александр направился в управление, где уже «крутили» утренних фигурантов, в кой процесс и попытался активно включиться. К сожалению, благими намерениями, как известно, черти мостят роскошный автобан в преисподнюю. Александр до самого вечера был вынужден выслушивать телефонные и очные разносы начальства самых разных рангов и писать вороха всевозможных объяснительных бумажек, бумаг и насто-

ящих бумажищ. Под занавес последовал отцовский звонок, причем ледяной тон и требование незамедлительной встречи не оставили никаких сомнений относительно его причины. С огромным трудом Бежецкому-младшему удалось выторговать у непреклонного старшего отсрочку до завтрашнего вечера.

Одним словом, денек выдался явно не самым слабым и до краев переполненным событиями. Ко всему вышеперечисленному следует добавить послезавтрашнюю процедуру передачи дел преемнику, ротмистру Афанасьеву, по слухам весьма неглупому и довольно многообещающему армейцу, вышедшему из нижних чинов (о времена, о нравы!) и переведенному недавно из Заокеанских Владений. Такие рокировки были весьма во вкусе князя Орлова, обожающего демонстрировать глобальность своего мышления. Конечно, сомнительно, что служака, отдавший полжизни открытым сражениям на «переднем крае наркотической войны», сразу же вникнет во все перипетии войны, по преимуществу кабинетной, но... Спорить с начальством, как известно, – все равно что...

Ко всему прочему нужно ломать голову над трудноразрешимой шарадой, кого из оперативников отправить завтра на Урал вместо Володьки (черт бы побрал его со всей его гусарской самодеятельностью, пусть только выйдет из больницы...), поскольку обе наиболее подходящие кандидатуры (Голицын – как все-таки был неправ Бежецкий в отношении

юноши – скорее всего, вообще перейдет только на кабинетную работу и то если разрешат медики) выбыли из строя. А из оставшихся выбирать – дело сложное... Не потому, что Александр не доверял своим подчиненным, просто у всех есть свой надел и они скрупулезно его возделывают. Сорви хоть одного с места – и многие разработки пойдут... Александр вздохнул: он постоянно забывал, что через два дня маршруты, по которым пойдут все разработки, уже мало будут его волновать...

Напоминальник, привычно брошенный на стол в соседней комнате вместе с кобурой, вкрадчивой трелью извлек Александра из приятного расслабления полудремы. В такой час, судя по мелодии, мог звонить только кто-то из своих.

Автоматически выждав три звонка, Александр поднялся и пошел за аппаратом. На экранчике определителя светилась только строчка маловразумительных закорючек – звонили с защищенного аппарата.

Щелкнув клавишей записи (на всякий случай), Александр сказал:

– Ротмистр Бежецкий слушает.

– Спишь, что ли? Я уже отключиться хотел!

Александр опустил аппарат и тихо ругнулся, прикрыв микрофон ладонью.

– Ты, что ли, контуженный?

– Я! – жизнерадостно заорал «шмель».

– Как тебе напоминальник-то дали? Ты из больницы?

– Ни фиги, из дома! Когда завтра в аэропорт?

Александр ругнулся уже внятно:

– Ты что, сбежал? А ребра?

– А что с ними случится? Замотали, и все. Что я, действительно контуженный – две недели там париться. Ты знаешь, сколько там сутки стоят?

Конечно, этого и следовало ожидать. Живчика вроде Бекбулатова надолго приковала бы к постели только та же «болванка» в голове. Тьфу, тьфу, тьфу.

– Да, знаешь, сестры милосердия там та-а-кие! Твоей N и не снилось!

Бежецкий, со смешанным чувством облегчения и раздражения вполуха слушая друга, захлеб перечисляющего объем, длину, размеры и охваты, думал, что, может быть, плюнув на дружбу, пришибить мерзавца? Или подождать до его возвращения?

2

Запах сирени за распахнутым в сад окном, приятный шум «Вдовы Клико» в голове, аромат дорогих сигар и ничего не значащая беседа старых друзей... Бал в загородной резиденции князя Николая Юсупова в самом разгаре.

– Майн либе фройляйн, разрешите вам представить моих друзей. Ротмистр барон фон Нейгарт, штаб-ротмистр граф Бежецкий, штаб-ротмистр князь Бекбулатов. Господа, мои кузины: графиня Ландсберг фон Клейхгоф и княжна Ростопчина. Прошу любить и жаловать. Молчать-с, штаб-ротмистр!

Сережка Волконский, как всегда в подобных случаях слегка подшофе, но сияющий как породистым лицом, так и роскошным флигель-адъютантским мундиром, держит под хрупкие ручки два таких прелестных воздушных создания, что все три офицера, не сговариваясь, подтягиваются и украдкой одергивают свои мундиры: лазоревые у Бежецкого и Бекбулатова и алый у фон Нейгарта.

И вновь звучит музыка, кружатся в вальсе пары. Александр вглядывается в лучистые серые глаза, в ушах звучит божественный голос, мило, совсем не по-нашему выговаривающий вечные как мир слова светской беседы, и пьяняще пахнет сирень за открытым окном...

Ах как пахнет сирень за окном...

Дверь привычно и противно скрипнула, впус­тив внутрь прямо-таки прожекторный свет ярчайшего солнечного дня, который ударил в глаза, отвыкшие от дневного света, так, что Александр, инстинктивно прикрыв их рукой, отшатнулся к глинобитной стене. В дверном проеме, опу­стив на неиз­менный «калашников» руки в щегольских таксистских про­резных перчатках без пальцев, стоял Рустам Шахоев, весь последний месяц – его бессменный конвоир, охранник и по совместительству ангел-хранитель.

– Выходи, майор! Закончились твои передраги! – Весело­му гортанному голосу никогда не унывающего парня явно было тесно в крохотной конурке.

Неужели действительно все мучения завершаются и сей­час его прикончат? Хорошо бы пристрелили сразу, чтобы не мучиться... Александр с трудом, опираясь на осыпавшуюся от каждого прикосновения дождем пересо­хших глиняных крошек стену, поднялся на ноги. Привычной ноющей болью сразу во множестве мест отозвалось избитое тело, знакомо задергала притихшая было рана в боку, хотя и поверхностная, но запущенная и давно загноившаяся, всем своим состоянием внушавшая сильные опасения. Хотя теперь вроде бы она уже никак не повредит здоровью: этого самого здо­ровья, по всем прикидкам, осталось минут на десять—пят­надцать...

– Что, в расход? – как можно безразличнее поинтересо-

вался Александр, хотя сердце и замирало в ожидании ответа.

Смешно! Как будто этот достойный представитель своей нации скажет правду...

– Не торопись, майор! – как всегда скалил из черной курчавой бороды белоснежные крупные зубы Рустам. – Поживешь еще! Тариб-ходжа все-таки решил продать тебя вашим шакалам.

Ноги предательски ослабли, по заросшей щеке сама собой щекотно пробежала слеза. Уже третий месяц он, Александр Павлович Бежецкий, майор ВДВ, находился в плену. Семьдесят четвертые сутки, если не подвели вычисления, горцы, уходя от федералов, таскают его за собой по горам в надежде выгодно обменять или продать. Ребят из его батальона, захваченных вместе с ним в том памятном бою, давно уже ликвидировали – на простых солдат сейчас, как всем известно, спроса нет... До сих пор стоят в ушах их предсмертные вопли. Что делать: арабские моджахеды не представляют себе успешного боя без отрезанных голов гяуров. И не только они... Правда, большинство горцев, и Рустам в их числе, подобной жестокостью не отличались, но с братьями по оружию не спорили, справедливо полагая, что парой-тройкой неверных больше или меньше – разница невелика...

Во дворе жмурящемся от непривычного дневного света Александру пришлось долго ждать, пока Рустам горячо препирался с такими же, как и он, увешанными оружием бородачами в новеньком камуфляже, сидящими и лежащими

ми в тенечке в живописных позах. Пребывая в плену, Бежецкий иногда ловил себя на мысли, что все эти воины ислама неприятно напоминают ему храбрых кубинских барбудос Фиделя, которыми в далеком и безоблачном пионерском детстве искренне восторгался. Вот этому, жадно, взахлеб пившему из армейской фляги, надеть берет вместо зеленой банданы – вылитый команданте Че. А вот тот, дремлющий, обняв обернутый лентой «ручник», здорово смахивает на самого Федю Кострова... Самое страшное, что и эти парни, наверняка ровесники Александра, тоже в детстве читали те же книжки, пели те же песни о товарище Че и носили такие же, как и Саша, красные галстуки. Какая же сила развела их по разные стороны баррикад? И кто постоянно подпитывает эту силу, поставляя новенькое оружие в заводской смазке, тонны боеприпасов, упаковки с обмундированием, ящики с тушенкой?

Александр вспомнил, как его батальон зачищал базу незаконных вооруженных формирований в одном из горных аулов. Ребята матерились, выгребая из слегка обгорелых тюков ни разу не стиранный камуфляж, пачки белья в целлофане, новенькие горные ботинки. На всех вещах – ярлычки российских фабрик. Тогда весь батальон переоделся, а пацаны, поскидывав изношенное до лохмотьев и перепревшее, завшивленное белье в огонь, наконец стали похожи на солдат регулярной армии, а не на банду дезертиров. Правда, два часа спустя на вертушках прибыли высокие чины. Соглас-

но приказу, трофеи были оприходованы и вывезены в тыл для уничтожения по акту. Слава богу, раздевать бойцов не стали... Один чинуша из столичных долго распекал Александра, сыпля угрозами и обещая сурово и разнообразно покарать за самоуправство, причем самой мягкой карой был размен одной звезды на четыре. Бежецкий, которого перспектива понижения в звании тогда волновала меньше всего, бесстрастно стоял навтыяжку перед кипятящимся шаркуном и непроизвольно разглядывал то место на туго обтянутом необмятым камуфляжем животе, куда, по его мнению, должна была войти «акашная» пуля, чтобы наверняка наворотить делов в протухшем полковничьем ливере. Под конец затянувшееся глумление над боевым офицером настолько надоело остальным членам комиссии, среди которых имелись и повыше чином, что «полкана» одернули и даже милостиво разрешили бойцам взять из трофеев по два сухпая, а также пополнить запас патронов и гранат...

Наконец горцы решили все свои проблемы и после недолгой, но не менее горячей перепалки за свободные места погрузились в машины и выступили небольшой колонной, видимо, к месту обмена. На технике, почти сплошь открытой, к их кубинскому виду добавилось еще что-то неуловимо цыганское.

Трясаясь вместе с неизменным Рустамом в кузове раздолбанной на горных серпантинах «газели», Александр, радость

которого как-то незаметно улетучилась, невесело думал о том, что его ожидает у своих. Конечно, бок обязательно подлечат, может, даже в путёвом госпитале, подкормят, возможно, домой на пару недель отпустят. А потом?

Кавказская война, то затухая, то разгораясь с новой силой, перемалывая в своей зловонной пасти тысячи молодых жизней с обеих сторон и выплевывая только цинковые гробы и калек, идет уже девятый год. Александр хорошо помнил, как воспрянули все духом, когда в памятном девяносто шестом внезапно, между двумя турами выборов, после тяжелой и продолжительной болезни скоропостижно дал дуба всенародно избранный. Как все ждали перемен, конца опостылевшей войне, прекращения осточертевших всем реформ и приватизации... Но Ельцина сменил сначала Газовщик, а затем, почти сразу, сам главный приватизатор – Рыжий. Пока в Москве кипели события, выдохшиеся было боевики поднакопили сил, оправились и вытеснили наших, которым никто уже не отдавал никаких приказов, с Кавказа, попутно прихватив некоторое количество исконно русских земель. Войска, подчиняясь бессвязным приказам, безучастно отступали, оставляя без подмоги местное казачество, которое, наконец плюнув на армию и центральные власти, быстро организовалось в такие же, как и у чеченцев, полевые отряды, самостоятельно вооружилось и, вспомнив навыки полувековой давности, начало настоящую партизанскую войну, которой ни сами недавние борцы за независимость, ни их за-

океанские друзья-вдохновители, ни московские «защитники демократии» никак не ожидали.

Когда летом девяносто восьмого Лебедь (весьма нелегитимно) пришел к власти, разогнав и прихватизаторов, и соперничавших с ними большевиков, оказалось, что идти на перемирие уже поздно. Кавказ кипел от моря до моря. Усмирение мятежной провинции переросло в войну с непонятными никому целями. То ли гражданскую, то ли колониальную – внятно определить не смог никто. Самым страшным было то, что и среди единоверцев-казаков нашлись (да вообще-то никогда они и не терялись) горячие головы, ратующие за отделение области Войска Донского от России. По некогда цветущему краю шастали банды новоявленных махновцев, восседавших вместо тачанок на бэтэрах, а то и на танках и не подчинявшихся никому, кроме своего местного батьки. Опять, как полсотни лет назад, завыли, заголосили, провожая сыновей, матери по всей необъятной России-матушке. Это был уже не Афган и не Чечня, впервые за полстолетия пацаны уходили не на срочную службу, а на войну, на фронт. Как ни странно, народ все понял правильно (с кремлевской, понятно, точки зрения, и «все как один...»).

Загнать кавказскую вольницу в берега, хоть и не с первой попытки, удалось, но цепная реакция развала поразила всю Россию. Наконец аукнулись пресловутые реформы. Западные благодетели, почувствовав, что власть над, казалось бы, узаконенной новой колонией ускользает из рук, перекрыли

санкциями поток импортного продовольствия и ширпотреба, местная коммерция, выкошенная потугами Ржавого Толика удержать бюджет в рамках и привлечь инвестиции, за год-другой, естественно, возродиться не могла, промышленность и сельское хозяйство, сладострастно и упоенно добиваемые «реформаторами», лежали уже не на боку, а в руинах. По стране гуляли уже не «лимоны», а «арбузы» и «трюфели» (триллионы рублей). Quo vadis ¹, Россия?..

«Газель», прервав течение невеселых мыслей, дернулась и остановилась. Рустам, выглянув из-под дырявого тента, прыгнул на пыльную дорогу, а затем, с заботливостью неуклюжей наседки, и Александру помог выбраться из кузова.

Сквозь медленно оседающую пыль Бежецкий разглядел в отдалении бэтээр и пару открытых «уазиков». Оттуда в сторону горской кавалькады направлялись трое безоружных на вид людей в камуфляже. К ним, снова подняв облако улегшейся пыли, лихо подкатил открытый джип, как мартышками увешанный вооруженными до зубов «чехами».

О содержании беседы легко можно было догадаться по оживленной жестикуляции, потрясанию автоматами и беспрестанному передергиванию затворов. Несмотря на кажущуюся малочисленность, наши беспокойства не проявляли, что позволяло заподозрить нехилую подготовку к встрече. Вот на той высотке, например, очень удобно мог располо-

¹ Что впереди? (Камо грядеши?) (лат.).

житься снайпер, а то и пара, а вон в том участке зеленки – легко укрыть еще парочку бэтээров или бээмпэ...

Наконец один из аборигенов обернулся и махнул Рустаму. Тот в ответ подтолкнул Александра вперед, неотступно как тень следуя сзади.

Все трое наших были в темных очках. Пот, ручейками струящийся из-под «афганок», превратил покрытые белесой пылью загорелые лица в удачные подобию африканских масок. Один, судя по зеленым звездочкам на матерчатом погончике – капитан, молча подошел к Бежецкому и бегло осмотрел его, бесцеремонно поворачивая, как бездушный манекен. «Врач», – решил Александр. Осмотр его озадачил. Никогда он не слышал ни о чем подобном. Горцы, притихнув насколько это было возможно, тоже настороженно следили за действиями «покупателя». «Что, не подхожу по кондиции?» – чуть было не сорвалось у Бежецкого с языка, но, к его облегчению, капитан уже обернулся к старшему из встречающих и утвердительно кивнул.

Один из трех офицеров, повинувшись команде старшего, сбегал к бэтээру и вернулся, держа в руках обычный желтый пластиковый пакет с рекламным «кэмеловским» верблюдом на боку. Александр отметил, что башенка доселе безучастного бэтээра, дрогнув, медленно повернулась, и могучий КП-ВТ заинтересованно и недобро глянул на «теплую компанию». Александр догадался, что операция вступает в завершающую, не самую, видимо, приятную фазу. Алчность во-

инов джихада давно вошла в поговорку, и большинство подобных сегодняшней операций срывалось именно при обмене «товаром».

Старший спокойно принял ношу у расторопного летёхи, сделал десяток неторопливых шагов, четко, как на плацу, остановился и кинул пакет барбудос. Один из молодых горцев, шестерка судя по всему, суетливо кинулся его ловить и – вот косорукий! – не удержал в руках скользкий пластик. Пакет, подняв облачко пыли, плашмя шлепнулся на дорогу, и из него посыпались плотные зеленоватые «кирпичи».

Возле джипа тут же поднялась шумная возня. Весело переговариваясь, моджахеды считали и, видимо, тут же делили баксы по понятиям.

Александр, оценив увесистость пакета, озадаченно подумал о том, что за его скромную персону явно выложили слишком много. Или, пока он тут на курорте прохлаждался, доллар упал? А что, вдруг в Америке начался кризис...

Неожиданно один из чеченцев, здоровенный бородач, известный Александру как Ваха, по словам Рустама, бывший комсомольский вожак, подбежал к пленнику и завопил, надсаживая глотку, будто до офицеров было минимум километр:

– Эй, командыр! Мы так не договаривались! Маловато баксов привез. Я ща-аз справедливость наведу!

И, выхватив прадедовский кинжал с серебряной насечкой, немытыми, корявыми от грязи пальцами ухватил отшат-

нувшегося Александра за ухо.

– Обкорнаю, как барана, командыр! Давай еще штуку, а то сэквестэр навэду, мамой кланусь!

Рустам, что-то предостерегающе выкрикнул Вахе прямо в лицо и перехватил руку, сжимающую кинжал. Встречающие подались вперед, горцы тоже заволновались. Атмосфера накалилась до предела: один выстрел и...

Старший из встречающих молча, одним жестом, остановил своих и, расстегнув нагрудный карман камуфляжки, не считая, презрительно швырнул под ноги экс-комсомольцу еще несколько бумажек. «Во как, – подумал Александр, – точно Штаты накрылись! Наше нищее офицерство бабки уже и не считает».

Рустам, не отпуская руки с кинжалом, торопливо толкнул Александра к своим и, продолжая в чем-то убеждать, потащил Ваху в сторону джипов.

Каждую секунду ожидая пули в спину, Александр на почти негнущихся ногах шел к встречающим, изо всех сил сдерживаясь, чтобы не побежать. Тогда точно конец. Тихо, майор, спокойно...

И, когда до своих оставалось метров пятнадцать, а Бежецкий уже решил, что все позади, прогрохотала автоматная очередь.

Александр, втянув голову в плечи и замерев на месте, видел, как попадали за машины встречающие, как хищно и, казалось, обрадованно, повел стволом крупнокалиберного пу-

лемета бэтээр. «Ложись! Беги!» – кричало все внутри Бежецкого, но он упрямо, не поднимая глаз от дороги и не ускоряя шага, прощаясь в душе с жизнью, двинулся вперед.

Старший запрещающе вскинул ладонь. За спиной Бежецкого довольно загоготали чеченцы, взревели моторы разворачивающихся джипов, и, постреливая временами в воздух, воины ислама наконец отбыли восвояси.

Встречающий полковник (Александр только сейчас разобрал на пыльных погонах звездочки) снял темные очки, делавшие его похожим на латиноамериканца, и улыбнулся Бежецкому одними глазами, голубыми и неожиданно добрыми, как у дедушки Ленина. Бежецкий вскинул было ладонь к виску, но вовремя вспомнил, что голова не покрыта, и, насколько позволяла рана в боку, разболевшаяся не на шутку, принял стойку «смирно».

– Майор Бежецкий, воинская часть...

– Отставить, майор.

Полковник широко улыбнулся, сверкнув по-голливудски ровным рядом зубов, и протянул твердую и сухую ладонь. От ее теплого прикосновения вдруг все поплыло в глазах Александра, как от стакана неразбавленного спиртяги после недельной голодовки. Он еще какое-то мгновение, стыдясь самого себя, пытался бороться с позорным обмороком, но...

Встречающие бережно подхватили оседающего майора и погрузили в одну из машин, тут же тронувшуюся с места. По-

следним, как и подобает защитнику, солидно двинулся бэт-эр, а выхлоп его могучего движка подхватил и долго кружил в воздухе забытые на дороге черно-зеленые бумажки с портретом недовольно надувшего щеки Бенджамина Франклина...

Александр, очнувшись, сначала не понял, где он, и долго лежал, не открывая глаз и напряженно вслушиваясь в мерный гул. Смутно вспоминалось что-то насчет обмена, выплывали в памяти по-ленински добрые глаза... Чушь какая! Очередной сон, а впереди снова нудный день со ставшей привычной перспективой получить пулю в затылок где-нибудь под вечер... Открыв глаза, он несколько минут тупо разглядывал низкий потолок, одновременно анализируя свои ощущения. «Самолет, – наконец решил Бежецкий. – Меня куда-то везут в самолете. „Груз-300“. Мысли были какими-то отстраненными, голова – необычно пустой. Александр попытался пошевелить руками, но не смог, а от этого легкого усилия перед глазами снова все завертелось. Тусклый свет заслонило чье-то смутно знакомое лицо, и Александр почувствовал мимолетный укус шприца. Глаза сами собой закрылись, шум самолетных двигателей действовал убаюкивающе, и майор снова провалился в благословенное небытие, успев отметить про себя, что все-таки хорошо, когда ты – „груз-300“, а не 200...

Второй раз Александр пришел в себя уже в госпитальной палате. Правда, таких палат он, повидавший за свою пятнадцатилетнюю военную карьеру немало госпиталей, припомнить не мог.

Небольшая, но не производящая впечатления тесной комната, плотно зашторенное реечной занавесью (кажется, жалюзи, прямо как в буржуйских фильмах!) и пропускающее только слабое подобие дневного света большое окно, удобная койка, вернее, широкая деревянная, судя по отсутствию скрипа пружин, кровать, огромный телевизор с плоским экраном (неужели японский, зараза?) у противоположной стены, небольшой столик и два мягких кресла у изголовья. На столике – о господи! – ваза с фруктами и два пластиковых двухлитровых пузыря с напитками (причем, судя по благородной мутноватости – не банальная газировка, а фруктовый сок!) и высокий тонкостенный бокал. На полу – ворсистый палас, на стенах – обои под штоф. Прямо номер люкс для генералитета, а не палата. Полноте, да госпиталь ли это?!

Нет, вот у койки, тьфу, у кровати стандартная госпитальная стойка с капельницей, трубка от которой уходит куда-то под одеяло. Александр заметил еще пару-другую трубочек и проводков, отходящих от его тела, проследил за ними взглядом и обнаружил в изголовье кровати какой-то сложный агрегат, мерцающий десятками лампочек и экранчиков. Это уже ни в какие рамки не лезло. Такую аппаратуру Бежецкий видел только в американских фильмах по виду.

Самым сложным оборудованием, с которым он сталкивался в госпитальных палатах, была капельница. Даже когда он в восемьдесят седьмом лежал в реанимации хирургического отделения ашхабадского госпиталя (Афган оставил маленькую, но очень памятную отметину) после проникающего ранения брюшной полости, отечественные гиппократы того, далекого уже, но сравнительно богатого советского времени конечно же не почтили героического лейтенанта отдельной палатой.

Видимо, движения Александра, хотя и весьма осторожные, разбудили чутко дремлющую аппаратуру, поскольку через мгновение дверь бесшумно приоткрылась и в палате появилась сестра, тоже, видимо, сбежавшая из заокеанского фильма (не триллера, понятно). Потрясенный чудесным видением, Бежецкий безропотно позволил ей отстегнуть себя от аппарата-вампира (или, наоборот, донора), выслушал парочку комплиментов на тему цветущего внешнего вида, ответил на медицинские (не очень аппетитные, чтобы их здесь приводить) вопросы, голливудскую улыбку и проводил ошарашенным взглядом. Опытный по женской части глаз автоматически отметил великолепную фигуру и стройные ножки, подчеркнутые вызывающе сексуальным халатиком. Да, медсестры в этом, можно прямо выразиться, странном госпитале тоже необычные. Или это все же не госпиталь? А что тогда?

Следующие два часа, наполненные процедурами (неко-

торые из которых были весьма неприятны и болезненны), с шутками-прибаутками совершенными над беспомощным телом шумной группой инквизиторов в белых халатах, надолго выбили посторонние мысли из головы Александра. Бесконечные перевертывания, покалывания, перетягивания, введения и отсасывания так утомили пациента (теперь хоть это было известно точно и бесповоротно), что, когда после их ухода ангелоподобная Валюша накормила его с ложечки чем-то приятным, почти небожно кольнула в ягодницу и, легонько чмокнув в щеку (черт, щетина наверняка сантиметровая!), упорхнула, он поблагодарил, чуть ли не впервые за тридцатishестилетнюю жизнь, Бога, погружаясь в мирный сон без кошмаров.

Молодой организм быстро шел на поправку. Спустя несколько дней Александр уже не только вставал с кровати, но и пару раз уложил туда (молчать, гусары!) весьма податливую Валюшу, на поверку оказавшуюся совсем не такой воздушной, да и далеко не похожей на ангелочка, как представлялось поначалу... К обоюдному (как хотелось надеяться майору) удовольствию, все системы функционировали нормально.

Подходя к зеркалу, Александр видел свою порядком располневшую ряшку, почти неузнаваемую из-за элегантной прически, сменившей ставший за последние годы привычным армейский ежик (тут уж нужно благодарить трехмесяч-

ные каникулы у «чехов»), и усиков а-ля недобитый белогвардеец, как у Высоцкого в фильме «Служили два товарища», форму которых тщательно поддерживал пожилой парикмахер, навещавший пациента каждое утро. Кстати, пока «его благородие» валялся без памяти, ему поправили нос, пару раз переломанный еще в детстве и в училище, сделав Александра прямо-таки отрицательным персонажем кинобоевика о гражданской войне, которые еще недавно так любили ставить ко всяким знаменательным датам, этаким поручиком Голицыным или корнетом Оболенским, хотя для корнета он уже староват. Да и Валюшка то ли шутя, то ли всерьез обращалась к нему только по имени-отчеству, «господин майор» или (не поверите!) «ваше благородие». Странноватые, надо признать, для российской военной медицины политесы.

Одним прекрасным утром, почувствовав, что скоро уже не влезет в пижаму, Александр решительно потребовал у Вали гантели и эспандер. Надо заметить, это требование ее не удивило – в прострацию Бежецкого ввергло то обстоятельство, что вторая дверь в палате, дотоле запертая каким-то хитрым способом, оказалось, вела в небольшой, но отлично укомплектованный тренажерный зал, спаренный с уютной сауной. Обалдев от всех этих чудес своего дворца Аладдина, потрясающей ванной комнаты с джакузи, куда кроме него с Валюшей, наверное, легко бы могло поместиться целое отделение в полной амуниции (да, если подумать, возможно, и

с верной БРДМ), и туалета с биде и прочими изобретениями «мира наживы и чистогана», Александр вынужден был констатировать, что, к превеликому сожалению, умер и, видимо по недосмотру небесной канцелярии, попал в рай, причем в рай, специально предназначенный для намотавшегося по гарнизонам и «горячим точкам» и уставшего на пять жизней вперед вояки.

В этой уверенности Бежецкого укрепили и телепередачи, которые, благодаря дистанционному пульту, он начал смотреть на второй же день своего заточения (или вознесения на небеси?). По пяти каналам транслировались только художественные фильмы, телеигры типа «Поля чудес», музыкальная «попса» да спортивные состязания. Одним словом, сплошная развлекаловка. Попытки поймать какую-нибудь программу новостей не увенчались успехом, хотя майор не считал себя профаном в технике и быстро разобрался во всех настройках заморского чудо-ящика. Причина этой аномалии местного телевещания вскоре объяснилась до прозаичности легко: выйдя в первый раз на воздух – на просторный балкон, который, как оказалось, находился за зашторенным (или зажалюзынным?) окном, вернее, за застекленной дверью, – Александр понял, что госпиталь, вернее санаторий, находится в горах, совершенно непохожих на набивший оскомину Кавказ. Скорее всего, эти поросшие хвойным лесом, лишь кое-где разрывааемым монументальными скальными обнажениями, пологие горы были Алтаем или Уралом.

Видимо, уверенно здесь удавалось принимать только спутниковые программы, причем все «нервные» заботливо отсеивались.

Кстати, вот еще один повод подивиться странному в наши тяжелые времена радушию медиков: кроме фруктов и натуральных фруктовых соков незнакомых фирм-производителей к столу четыре раза в день подавали такие блюда, о которых Бежецкий не мечтал (да и не подозревал об их существовании) и на гражданке, даже в сытые времена позднего развитого социализма. Да и какие разносолы мог пробовать в нежном возрасте Саша Бежецкий, вечно кочевавший со своей офицерской семьей по отдаленным гарнизонам? А когда, наконец окончив школу, он поступил в вождьеленное Рязанское училище – небогатый курсантский рацион, «обогащенный» горбачевской перестройкой. Затем Афганистан, Таджикистан, Приднестровье, Чечня, торопливая свадьба, нищенское житье в офицерских общежитиях в кратких перерывах между исполнением служебного долга, так и не увидевший свет сынишка... Скандал в отпуске, чуть было не закончившийся разводом, и снова Чечня. Судя по всему, попробовать нечто подобное после «рая» и не удастся, и Александр рубал деликатесные харчи, как говорится, впрок, надеясь сбросить лишние калории на тренажерах (ну и не только на тренажерах...).

Одним словом, Александр стремительно выздоравливал, что и констатировал с удовлетворением Георгий Иванович,

лечащий врач, так и не сообщивший благодарному пациенту своего воинского звания (несомненно, не низкого), несмотря на его просьбы. Настал день, когда майора переодели из опротивевшей пижамы в сногшибательный гражданский костюм и перевели в другое, не менее люксовое, жилище.

К этому времени Александр уже понял, что к госпиталю «санаторий», как он его теперь называл, не имеет ровно никакого отношения. Скорее всего, им, майором воздушно-десантных войск Бежецким Александром Павловичем, 1966 года рождения, русским, не бывшим, не состоявшим, имевшим, и т.д. и т.п., заинтересовалась Служба. Какая именно, почему и, главное, с какой далеко идущей целью – Александр не знал, да и не особенно желал вдаваться в подробности. Старый служака, как он сам себя небезосновательно характеризовал, весьма неглупый, майор твердо знал одно: скоро халява неизбежно закончится. А по ее окончании один бог знает (кстати, и в палате и в его нынешнем номере в красных углах висели иконы, причем даже на дилетантский взгляд потомственного атеиста, разбиравшегося в иконописи примерно так же, как и в классическом балете, не ширпотреб), куда и в какое дерьмо его зашвырнет завтра судьба-индейка. Поэтому Александр ел, спал, качался на тренажерах, смотрел телевизор, читал детективы и русскую классику (находя их в книжном шкафу апартаментов), резался на компьютере, ранее виденном редко и только издали, в «стрелялки» типа «Doom» или «Quake», а также приятно проводил вечера по-

переменно то с Валюшкой, продолжавшей преданно бегать к бывшему пациенту, то с еще одной, весьма незаурядной во всех отношениях, девицей – Ингой, по совместительству (или по ошибке, что более похоже на правду) служившей в этом веселом доме (не поймите превратно) горничной.

Кстати, в постели с последней он от скуки начал оживлять свои познания в немецком языке, казалось прочно забытом еще со школьной скамьи. Инга оказалась остзейской немкой родом из Прибалтики – Александр и не подозревал, что такое возможно после десятилетий ленинско-сталинско-хрущевско-брежневской национальной политики партии – и в минуты расслабления переходила на родной язык. Сначала из любопытства, но затем увлекшись, Александр попытался поддержать фривольный разговор на языке тевтонов и швабов, как выяснилось, довольно успешно. Совершенно случайно он обнаружил на компьютере программу, обучающую немецкому, и, поупражнявшись днем, вечерами потрясал Ингу своим шпреханьем, день ото дня становившимся все более и более уверенным.

Иногда, пресытившись бездельем, Бежецкий посещал местное «офицерское собрание», размещавшееся на втором этаже роскошно обставленного здания «санатория», затерявшегося, судя по окружающему пейзажу, все-таки в Уральских горах (не в Карпатах или Пиренеях же, в конце концов). Контингент, посещавший клуб, был весьма разноро-

ден. Глядя на некоторых завсегдаев, Александр с трудом воспринимал их как офицеров. Скорее данным индивидуумам подошли бы сугубо гражданские профессии: бухгалтер, врач, учитель... Другие же, напротив, были прямо-таки эталоном офицерства, причем старого, кастового. Щеголеватый вид, выправка, ровное обращение... Никаких тебе, понимаешь, «товарищ», только «господа», «сударь», «мадам». Как-то само собой возникло желание подражать этим образчикам истинного офицерства, перенимать, так сказать... С одним из них, среднего роста и западноевропейского типа господином, явно кадровым военным, хотя и в гражданском, Бежецкий познакомился как-то вечером за бильярдным столом.

– Штаб-ротмистр Вельяминов Георгий Николаевич, – представился тот, четко впечатав подбородок в узел галстука и лихо прищелкнув при этом каблуками щегольских туфель так, что Александру послышался призрачный звон гусарских шпор.

Приняв предложенную игру, Бежецкий тоже, хотя и не так лихо, щелкнул каблуками:

– Майор Бежецкий, Александр Павлович. Если не ошибаюсь, ваше звание, Георгий Николаевич, соответствует старшему лейтенанту?

– Извините, Александр Павлович, вы не правы, – заметил штаб-ротмистр. – Штаб-ротмистр по «Табели о рангах», бессмертному творению Петра Великого, соответствует пехотному званию штабс-капитана, а в Советской Армии эквива-

лентен, скорее, капитану. А ваше звание, господин Бежецкий, более соответствует ротмистру.

– Но ротмистр, насколько я знаю, кавалерийское звание. Какое же отношение я, позвольте, имею к кавалерии?

– Вы правы, ротмистр, воздушно-десантные войска не относятся к кавалерии, но при возникновении авиации во многих странах мира (в Российской Империи, кстати, тоже) на этот революционно новый вид войск были, как бы это выразиться, «спроецированы» кавалерийские звания. К примеру, в США аэромобильные войска даже эмблему переняли от кавалерии и носят на шевроне и в петлицах скрещенные сабли. Мне кажется, вы, ротмистр, имеете прямое отношение к аэромобильным войскам, а?

– Но явно не к американским, штаб-ротмистр.

Они молча играли несколько минут. Штаб-ротмистр играл профессионально, легко и непринужденно, чего нельзя было сказать о Бежецком. Однако майор с детства не отличался обидчивостью и старался учиться всегда, когда предоставлялся случай. Спустя несколько вечеров после знакомства со странным офицером он с удовлетворением отметил значительно возросшее личное мастерство. Теперь он легко обыграл бы всех своих прежних противников, представься такой случай.

Лихо закатив в лузу шар от двух бортов, Александр вернулся к интересной теме:

– А вы, штаб-ротмистр, кавалерист или авиатор?

Вельяминов, опустив кий, пристально поглядел в глаза Александру и заметил:

– Кавалерийские звания были приняты не только в авиации, господин Бежецкий.

Александр быстро прокрутил в голове содержание прочитанной совсем недавно классики и удивился:

– Неужели?..

По-прежнему пристально глядя в глаза Александру, Вельяминов бросил:

– Да, я имею отношение к спецслужбам, ротмистр. Вы меня правильно поняли, я жандарм. Честь имею! – И, осторожно положив кий на сукно, повернулся на каблуках и оставил Бежецкого переваривать услышанное.

Переваривал и делал выводы Александр долго. Вечерами он продолжал сражаться на бильярде со «штаб-ротмистром», иногда вызывая того на беседу и анализируя услышанное. По всему выходило, что влип майор на этот раз во что-то весьма странное, выгонять его вроде бы пока не собираются, но и события не форсируют, готовя к чему-то и терпеливо ожидая от Бежецкого резких телодвижений.

Дня через три Александра, валяющегося после обеда на кровати, осатаневшего от безделья и неизвестности, посетила светлая мысль:

– Таньша, а Таньша! – позвал он копошившуюся по хозяйству в одной из четырех комнат люкса горничную.

Таня, сменщица Инги, была местной уроженкой и любила, когда «барин», как она дурашливо называла Бежецкого, звал ее именно так. Надо сказать, это была самая безобидная из ее заморочек.

– Тань, а не принесла бы ты мне бумаги листок и конверт?

– К чему это вам, барин?

– Да старикам черкнуть хочу.

– А-а!

Таня повернулась и неторопливо пошла продолжать прерванное занятие, а Бежецкий с нетерпением принялся ожидать результатов своей «провокации».

Результаты, как водится, не заставили себя долго ждать.

За ужином в клубе к столику майора подошел один из вестовых, как Александр про себя называл подтянутых молодых людей, постоянно молчаливо сновавших по зданию «санатория», и сообщил:

– Александр Павлович, вас просят зайти после двадцати часов в кабинет номер четыреста три.

«Началось!» – радостно подумал Бежецкий и, вежливо поблагодарив вестового, вернулся к трапезе.

После ужина, полчаса послонявшись по своему люксу, Александр точно в назначенное время стоял перед указанным кабинетом на четвертом этаже. Когда стрелки его «ориента» (кстати, тоже местный подарок) замерли на нужной цифре, он деликатно постучал в дубовую монументальную дверь с одним только номером, без таблички.

– Войдите, – раздался приглушенный толстым деревом голос.

Александр вошел и прикрыл за собой дверь.

– Майор Бежецкий прибыл по вашему приказанию! – отчеканил он, вытянувшись.

– Ну что же вы все тянетесь, Александр Павлович?!

Вызвавший его высокий мужчина лет пятидесяти, одетый в гражданский костюм, но демонстрирующий явно военную выправку, обошел стол и крепко пожал руку Александра.

– Располагайтесь, почувствуйте себя как дома. – Он радушно указал на глубокое кресло, обитое натуральной на вид кожей.

Александр поостерегся разваливаться в кресле, так как знал на собственном опыте, что колени будут торчать чуть ли не выше головы. Прокляв в душе подобную роскошь, он осторожно уселся на краешек, замерев в напряженной позе. Хозяин достал из встроенного в стену бара бутылку коньяка, две крошечные рюмки и блюдце с тонко нарезанным и посыпанным сахарной пудрой лимоном, поставил все это на стол и уселся на свое место. Нацедив в рюмочки благородный напиток и надев специальной серебряной (серебро здесь было настоящее, в этом Александр убедился, внимательно разглядев как-то столовый прибор и установив наличие клейм с пробой) вилочкой на их тоненькие края с золотым ободком по ломтику лимона, мужчина жестом настоящего фокусника ловко послал одно из получившихся таким образом соору-

жений Александру по полированной как зеркало поверхности стола.

«А если упадет? – с интересом подумал Бежецкий, следя за стремительным скольжением хрустального сосуда. – Ковер толстый, не разобьется, но ведь конфуз!» И напрягся, готовясь поймать рюмку на лету. Однако та, проскользив почти полтора метра, как по мановению волшебной палочки остановилась в двух сантиметрах от края. «Мастер!» – с невольным уважением отметил Александр, знавший толк в культуре питья горячительных напитков. Хозяин перехватил его взгляд и знакомо улыбнулся одними глазами.

Майор мысленно сбрил усы и добавил пыльные разводы на лице: да, сомнений не оставалось, напротив Александра сидел тот самый полковник, который освободил, вернее выкупил Бежецкого у чеченцев.

– Чем обязан, Александр Павлович? – спросил Полковник, заметив, что Александр узнал его.

Бежецкий вынужден был откашляться:

– Во-первых, я должен поблагодарить вас за спасение, това... господин полковник.

– Ну это сильно сказано, «спасение», сударь. Назовем свершившийся акт по-другому: товарищеская помощь в трудную минуту. А во-вторых?

Александр набрался наглости и ответил:

– Во-вторых, с какой целью я здесь нахожусь и скоро ли закончится мое... э... лечение?

Полковник откинулся в кресле и пригубил коньяк.

– Не правда ли, хорош? Да вы попробуйте, попробуйте, Александр Павлович, не стесняйтесь, ради бога.

Еще крошечный глоток и долгая пауза.

– Вы задали сразу два вопроса, господин майор. Да, кстати, я могу вас так называть?

– Да, да, конечно, – поторопился Бежецкий, заметив про себя: «Да хоть ротмистром».

Словно прочитав его мысли, Полковник спросил:

– А может быть, ротмистром?

Смутившись, Александр залпом допил свою рюмку и выпалил:

– Я вас не понимаю, господин полковник. К тому же вы не ответили на мой вопрос.

Полковник неторопливо встал, с бутылкой в руке обошел стол и, налив Александру, вернулся в свое кресло. Только после этого, опершись подбородком на ладонь, он негромко произнес:

– На первую часть вашего вопроса я, с вашего позволения, пока отвечать не буду, а на вторую... Вы торопитесь? Куда, позвольте поинтересоваться?

– Я солдат, полковник. В конце концов, я бы хотел съездить...

– Домой, майор, я правильно вас понял?

Полковник хмыкнул и, выдвинув ящик стола, достал и пустил по траектории, только что проделанной рюмкой, тон-

кую картонную папку. Папка, как и было задумано, спланировала точно на колени Александра.

Развязав тесемки обычной канцелярской папки с типографским ярлыком «Дело №...», Бежецкий углубился в чтение аккуратно скрепленных скоросшивателем разнокалиберных листков.

Начиналась подборка копией рапорта его, майора Бежецкого, заместителя – капитана Паршукова от 20 февраля 2002 года. 20 февраля – день, когда Александр попал в плен. Значит, жив капитан. «Был жив», – поправил себя Бежецкий. С того памятного боя прошло, по самым скромным подсчетам, не меньше трех месяцев, а на войне...

Из рапорта, изобиловавшего канцеляризмами, до которых был так охоч сорокапятилетний «вечный капитан», следовало, что майор Бежецкий, видимо, захвачен в плен, потому что: «Среди трупов общим числом до семидесяти восьми тело командира батальона майора Бежецкого, равно как и тела пятерых бойцов отряда, не обнаружены».

Из следующего рапорта, на этот раз неизвестного майора Котельнича, он узнал, что начавший разлагаться обезглавленный труп российского майора вместе с пятью такими же трупами рядовых обнаружен в лесу, неподалеку от места боя при таянии снега 11 марта с.г. Служащими воинской части номер... в лице трупа (каково сказано!) опознан майор Бежецкий Александр Павлович, «предположительно взятый в плен боевиками незаконных вооруженных форми-

рованных 20 февраля с.г. в бою у станции Н-ской». Акт медицинской экспертизы. Копия «похоронки» нового образца: «Ваш сын и муж, Бежецкий Александр Павлович, пал смертью храбрых при выполнении своего воинского долга по защите целостности и конституционного строя Российской Федерации...» Так, та-та-та, та-та-та (майор знал формулировку наизусть, сам сколько раз такие подписывал), командир в/ч такой-то... О! Президент Российской Федерации, Главнокомандующий Лебедь А.И. Факсимиле. Надо думать, чтобы слеза гордости прошибала родичей. Накладная на отгрузку «груза-200»... Сопроводилка в военный комиссариат города... Значит, гроб-то старикам отправили, козлы, а не Наташке. Копии маминых телеграмм брату Сережке и другой родне... Пара кодаковских фоток с похорон... Ого, Сережка бороду отпустил, хиппарь университетский. Копия свидетельства о смерти... Опаньки! Копия свидетельства о заключении брака между гражданином Николаевым Вадимом Сергеевичем (Вадька, с-с-сволочь!) и гражданкой Бежецкой Натальей Николаевной. Свежая еще, от 17 мая. Надо же, не побоялись «всю жизнь маяться». Ну Вадька, дождался все-таки своего, надоело с Наташкой просто так кувыркаться... Копия свидетельства о смерти Бежецкой Марии Николаевны от 20 мая...

Александр вдруг поймал себя на том, что уже минут пять машинально разглаживает тусклую ксерокопию ладонью. Эх, мама, мама...

Перед глазами стояло милое лицо, с возрастом ставшее еще более мягким и добрым, ласковые руки, тихий голос... Мама, которая, как отважная наседка, готова была защищать своих отпрысков до самой смерти... До смерти...

Наконец он захлопнул папку и, молча пустив ее по столу обратно, поднялся:

– Я могу быть свободен, то... господин полковник?

– Да, конечно, Александр Павлович, идите. Вам нужно побыть сейчас одному.

Александр повернул ручку двери. Вслед ему раздался голос Полковника:

– Завтра я жду вашего решения.

– Какого? – не оборачиваясь спросил Бежецкий.

– Вернуться или...

Майор покачал головой, сам не понимая по какому поводу, и вышел, осторожно прикрыв за собой дверь.

В номере он кинулся ничком на постель. Сунувшаяся было с утешениями Инга получила заряд такого отборного мата в семь этажей с заворотом, что, буркнув что-то вроде: «Russisch Schwein», с видом оскорбленной невинности покинула люкс. «Конечно, свинья!» – горько думал Александр, уткнувшись лицом в подушку. Хотелось заплакать, как в детстве, самозабвенно зарыдать до икоты, до сладкой истомы и жалеть, жалеть себя... И чтобы мягкая мамина ладонь легла на голову, впитывая боль и детское горе... Мама. Мамочка. Когда Александр, еще в Афгане, в первый раз угодил в гос-

питаль, она поседела, по словам Сережки, в одну ночь. Из-за его полугодового молчания (Тирасполь) – слегла с инфарктом. И вот теперь...

Александр вскочил с постели и распахнул дверцу бара. Так, коньяк – к черту, ликер, виски... все не то, все говно! Почему нет водки?! Хочу водки! Бутылку! За четыре сорок две! Паршивой нефтяной «андроповки» с зеленой этикеткой из курсантских времен!! Чтобы утром рыгать голимым керосином!!! Водки хочу!!!!

– Александр Павлович, извините меня, но я не знаю, что такое «андроповка».

Скверно, видимо, весь этот бред он орал вслух. Псих конуженый! Истеричка! Баба!

– Валюша, принеси мне, пожалуйста, водки. Много. Бутылку. Нет, две.

– А закуску?

– Ничего не надо. Давай, быстренько сбегай, ласточка.

Валя исчезла. Хорошая девчонка. Легко с ней, покойно, да и Инга... Зачем же он с ней так обошелся? Надо извиниться. Надо...

Боль не отступала. Что там с отцом? Хотя что отец? Отец, полковник тех же ВДВ Бежецкий Павел Георгиевич, всегда был идиолом, объектом для подражания. Александр почти позабыл его лицо. Нотации. Примеры из жизни. Строгость. Мама. Как она там? Памятник какой поставили?

Александр вдруг захохотал. Зачем терзаться? Надо по-

просить Полковника, и тот покажет фотографию. Цветную кодаковскую карточку. Как хочется заплакать. Может быть, хоть слезы растопят эту ледышку в груди?

А, вот и Валя. Молодец девчонка, быстро обернулась.

– Валюша, выпьешь со мной? За упокой души...

– Чьей, Александр Павлович?

– Мамы моей, Валя, мамы!

– Ой, Саша... – Валя по-бабьи зажала рот ладошкой.

Александр хлопнул стакан водки и сразу же налил по второй. Водка – сакральный продукт и, видимо, открывает какой-то клапан в русской душе, вот он наконец и смог заплакать. Как давно он не плакал... Полузабытое ощущение. Злые слезы жгут глаза, словно кислотой. Но и ледышка в груди вроде бы начинает таять. Еще бы, в водке-то сорок градусов. Ну-ка мы еще стакашек...

– Может быть, не стоит столько пить, Саша?

– Молчи, что ты понимаешь! Это же мать, мама моя...

Может быть, ты б-боишься, что я не смогу...

– Как вам не стыдно, господин майор!

– Фу-ты ну-ты, какие мы гордые. Ну-ка в койку!

Хлопнула дверь, но напоследок все-таки раздалось приглушенное:

– Свинья!..

Во, второй раз свинья! Может быть, Танюшку кликнуть, а?

– Таньша-а!..

Нет, сначала еще стаканчик... Где он? Ау-у-у!.. Ну ничего, если ты такой гордый, зараза, мы и из горла можем. Бр-р... Не лучше «андроповки», право... Ш-ш-штаб-ротмистр? А вы откуда здесь? Стреляли... Ха-ха-ха, ш-ш-ротмистр! Фильм смотрели? Там еще Абдулла... Или Саид... Одним словом: «Ваше благородие, госпожа удача...» Ш-ш-ш, все понял, ш-штаб-ро... Или вы не ш-ш-таб... Козлы! Спецура! Пи... Все, все, ш-штаб-ротмистр... молчу... фу, ротмистр... Вы знаете, господин как-вас-там, я сейчас пьян как свинья. Не верите? Зря! Мне только что сообщили эту новость две прелес... ык... Ща, ротмистр, минутку, я должен рыгнуть-с... О чем я? Да, две прелестные дамы... А?.. При чем здесь дамы, при чем здесь эти прости... Все, все, товарищ ротмистр, я понял... Ш-ш-ш-шротмистр! Давайте, в конце концов, чеколдыкнем еще по стакашку, и в клуб... Да, вы правы, у меня траур... Зачем же я так напился... Вы не помните?..

Даже пол, покрытый пушистым паласом, наконец не выдержал этого мерзкого зрелища и, вздыбившись, милосердно врезал Александру в лоб. Наконец-то погас этот проклятый свет... Мама, где ты?..

Уже который час колонна пылит по горному серпантину. Холод забирается под бушлат. В бэтээре, конечно, теплее, но стоит только подумать о тесноте и духоте, ароматах не мытых неделями тел, солярки, махорки и еще бог знает чего, как

тошнота подступает к горлу. Хотя блевать уже давно нечем, немилосердно ноет пустой желудок. Зачем он вчера так нарезался? А еще раньше: зачем он все-таки отказался? Надеяться, что будут уговаривать? Щас, держи карман шире!

Александр смутно помнил двухдневную тряску в переполненном вагоне, где были заняты не только третьи полки, но и тамбуры. Жара, духота, мат, вонь, шум, теснота, толкотня и еще раз жара. Ненависть всех ко всем и по любому поводу. Полуоторванный цветной портрет генерала Лебеда, бог весть каким образом сохранившийся на тамбурной двери и опохабленный коротким словом, накорябанным наискось через упрямый лоб кроваво-красной дрянной «губнушкой». Чей-то облепленный жирными зелеными мухами зловонный труп с табличкой «ВРАГ» на груди, болтавшийся на стационарном фонаре прямо перед открытым окном битых пять часов, пока поезд пережидал сплошную череду литерных. Сакраментальная надпись «ДМБ-91», выцарапанная на нижней стороне третьей полки прямо перед глазами Александра каким-то беззаботным дембелем далекой счастливой поры. Где они сейчас, эти Славики, Кольки, Пашки и Хайдарамулов С.? На чьей стороне воюют или давно не воюют уже? Десятки безногих, безруких, слепых калек в застиранных тельниках под распахнутыми защитными и камуфляжными хабэ, тянущие руки с перрона или бредущие по вагону... Рота мариманов в черных форменках, понуро сидящих на вещмешках. Несомненно, непривычных к суше «ба-

кланов» бросят в бой, даже не переодев. И, значит, суждено им вскоре валяться запыленными кучками неопрятного тряпья, а отлетевшим их душам – украсить зарубками приклады светловолосых девчонок из Клайпеды и Риги, мило коверкающих русско-интернациональные матерные слова, и зашелестеть баксами в чьих-то карманах.

Маета хождения по военкоматам и прочим учреждениям, где пришлось доказывать с пеной у рта, что ты не верблюд, вернее, как раз тот самый верблюд. Смертельная ненависть в глазах Наташки, уже на пятом месяце беременности. Трясущаяся голова стремительно спившегося отца, в свои шестьдесят два выглядевшего на все восемьдесят. Покосившийся мамин памятник с шелестящими на ветру бумажными лепестками чудом уцелевшего венка, рядом с таким же, со знакомым лицом на фотографии, но над чужой могилой. И водка. Водка, водка, водка и еще раз водка... Тяжелое похмелье все эти пять месяцев, казалось, не прерывалось ни на минуту. Избавлением показалось направление в действующую армию. Но ненадолго...

Снова горящие станицы и аулы, проклинаящие солдат на всех языках женщины и старики. И кровь... Кровь, кровь, кровь, кровь и еще сто раз кровь. Сорвался, когда приказали пустить в расход взятых в плен «самостийных» казаков. Но разбитая морда офицера-воспитателя отозвалась всего лишь давно обещанным разменом крупных звездочек на мелкие. Теперь он уже капитан, штаб-ротмистр, так сказать. Блин, ну

зачем же он тогда отказался? Что хотел изменить?..

Холод становится невыносимым. Черт, придется все-таки залезать под броню. Ну конечно, эти козлы опять заперлись. Матерясь, Александр стучит окованным железом прикладом по крышке люка. Глухой услышит, но не открывают. Ну щас, суки, щас кто-то займет его место. Или всех на холод выгнать?.. Ну вроде слышали...

Странно, но остальное Бежецкий додумывает, уже лежа на обочине. Шедший в авангарде колонны танк нелепо сползает одной гусеницей с кручи, сыплются камни, но шума их совсем не слышно из-за грохота разрывов и похожего на звук вспарываемого тупым ножом брезента треска пулеметных очередей. Покрывая все шумы, гулко, надрывая перепонки, бьют гранатометы, излюбленное оружие «чехов».

Парни, сбивая в кровь руки и едва слышно (из-за адского шума) матерясь, горохом сыплются из бэтээров и бээмпэшек. Блин, ну зачем же он тогда отказался?! Срывая голос, Александр кричит в микрофон рации, торчащий у левой щеки, слова команд, сам не слыша их. Солдатик справа вдруг отбрасывает автомат, вскакивает на ноги и, зажимая голову в простреленном шлеме-сфере и разбрызгивая вокруг хлещущую сплошной струей черную кровь, приседая, кружится в предсмертном танце, пока следующая милосердная пуля не сбрасывает его в пропасть. Где же «вертушки»? Где?.. Ну почему же он тогда отказался?..

– «Терек», «Терек», я «Алдан», что у вас...

Вдруг скрежет в наушниках сменяется чистой, как по «Маяку», издевательской мелодией «Танца с саблями». О-о-о, опять чеченские приколы. Ну почему у нас такая х... техника?!

Грохот позади. Ускользящая мысль: «бэтээр, су...»
Зачем он тогда отказался-а-а-а?!

– Барин, барин, что с вами?! – Знакомый голос, рука, трясущая за плечо.

Таньша? Откуда?

Александр с трудом разлепляет глаза, горло саднит от звериного крика, еще стоящего в ушах. Над ним склоняется милое Танюшкино лицо, смутный свет занимающегося дня скромно обтекает ее голую грудь.

– Барин, Александр Павлович, проснулись, голубчик...

В воздухе стоит такой страшный перегар, что можно повесить не только всем известный плотницкий инструмент, но и что-нибудь более солидное. Неужели весь этот жутко правдоподобный кошмар – сон? Не может быть. Не может быть такого последовательного сна. Или может? А если, наоборот, это – видение: и Танюшка неглиже, и утро за окном... всего лишь предсмертная иллюзия, последний милосердный подарок умирающего мозга? А на самом деле лежит он сейчас там, на горной дороге, раздавленный, как лягушка, колесами бэтэера. Точно, так оно и есть. Ну и фиг с ним... Блин, во рту – как в Сахаре... Нет, в верблюжьем хлеву, но там же,

в Сахаре.

– Тань... Дай попить...

Как она подхватила! Господи, слава тебе, Господи! Это же на самом деле всего лишь сон! Обычный кошмар с перепоя! Александр осушил запотевший бокал с чем-то, вкуса чего совершенно не почувствовал, и снова откинулся на скомканные, мокрые от пота подушки. Танюшка что-то там еще делала, невыразимо приятное, что-то говорила, но он уже снова уплывал в беспокойный похмельный сон...

– Подъем, господин ротмистр!

Тяжелая штора, скрежеща по карнизу колечками, отлетела в сторону, и яркие лучи солнца даже сквозь зажмуренные веки раскаленными спицами впились в глаза. Попытки защититься одеялом были пресечены в зародыше. Вельяминов сдернул его одним движением, удивленно вскинул брови и, расхохотавшись, швырнул обратно:

– Пардон, мон ами! Ингу прислать?

Александр с досадой прикрылся и заявил:

– Идите к черту, штаб-ротмистр!

– Нет, господин ротмистр, я не могу покинуть вас в таком печальном положении. Инга, Танюша! Приведите господина ротмистра в порядок. Я зайду через полчаса, ротмистр.

Конечно же девушки уже не помнили о вчерашнем. Или только делали вид? Одним словом, через двадцать пять минут Александр, хмурый и взъерошенный после душа, но

умиротворенный, удовлетворенный, благоухающий и даже снова слегка хмельной,пил кофе с коньяком в компании элегантного, как всегда, штаб-ротмистра Вельяминова.

– Ну разве можно так реагировать, ротмистр! – Георгий Николаевич потянулся за кофейником.– Истерики, мне кажется, не лучший способ...

– Что вы понимаете, Вельяминов, в...

– Понимаю, понимаю, успокойтесь. Не один вы, ротмистр, бывали в таком состоянии.

Александр оттолкнул пустую чашку:

– Георгий Николаевич, объясните мне наконец, в чем дело.

Вельяминов допил кофе, аккуратно поставил чашку на блюде так, что она даже не звякнула, выровнял точно по центру, полюбовался натюрмортом и откинулся на спинку кресла, скрестив руки на груди.

– Что именно вы хотите услышать, Александр Павлович?

– Куда я попал? Где меня хотят использовать? Кто такой Полковник? Зачем...

Штаб-ротмистр шутливо вскинул руки:

– Не все сразу, ротмистр, не все сразу. Давайте по порядку. Как я понял, больше всего в данный момент вас интересует вопрос, где вы находитесь?

– Да, в первую очередь. Итак, где я?

Вельяминов придвинулся к столу, сцепил пальцы рук и, положив подбородок на тыльную сторону ладони, ответил

вопросом:

– Вы любите читать фантастические романы?

– Да, но разве это относится к...

Догадка уже начала смутно формироваться в мозгу...

– А приходилось вам слышать или читать о теории параллельных пространств, Александр Павлович?..

3

Несмотря на ранний час, московская автострада на участке Санкт-Петербург – Новгород обилием мчащихся автомобилей как всегда напоминала Невский проспект. Притормозив, Александр переждал встречный поток машин и свернул на безымянный проселок. Старик не любил гостей и вел с дорожной полицией, стремившейся снабдить соответствующей табличкой каждую барсучью нору, настоящую войну, не гнушаясь при этом никакими средствами. Александр как-то пару раз пытался урезонить отца, но, получив яростный отпор, решил не вмешиваться в безобидные в общем-то стариковские чудинки. Впрочем, проселком эта вполне современная асфальтированная дорога была только на схемах и картах: мстительные «дорожники» по степени твердолобости ничем не уступали графу Бежецкому-старшему, отставному лейб-гвардии Семеновского полка капитану. Александра более всего веселило, что главный отцовский враг, местный обер-полицмейстер его императорского величества Дорожной инспекции барон фон Штильддорф по совместительству являлся старинным его приятелем и соседом. Павел Георгиевич и Иван Карлович частенько пропускали рюмку-другую знаменитого баронского киршвассера вперемешку с графской анисовой после совместной охоты, рыбалки или русской парной, до которой давным-давно обрусевший остзей-

ский немец, предки которого верно служили еще Екатерине Великой, был великий охотник. Как бы то ни было, старинная дружба не мешала им враждовать в принципиальных вопросах и изобретательно строить друг другу мелкие пакости.

Прихотливая человеческая память отличается особенной любовью нанизывать одни воспоминания на другие. Вот и Бежецкий вздохнул, припомнив дочь старого барона, Матильду фон Штильдорф, верную подружку детских игр и юношеских забав, в просторечии называемую им и деревенскими дружками-сорванцами Мотей или даже Мотькой, смотря по настроению. Сбитые в кровь коленки, игры в салочки, в расшибалочку, в прятки с белоголовыми, крепкими, как боровички, ребятишками из соседней деревеньки, чьи предки тянули крепостную лямку на предков Александра, затем общие книжки про мушкетеров и пиратов, первая детская влюбленность и долгие вечера под ее окном, первый неумелый поцелуй... Интересно, как сейчас поживает в своем Стокгольме нынешняя подданная его величества короля Швеции и Норвегии Карла-Оскара Третьего графиня Улленхорн? Последний раз они сталкивались мельком, на балу у уездного предводителя дворянства лет восемь назад. Простила ли Матильда ту старую выходку? Помнится, они тогда крепко поссорились...

Бампер изящной «кабарги» Александра уперся в старательно размалеванный бело-красный брус шлагбаума, украшенного еще не тронутой ржавчиной табличкой с фамиль-

ным гербом и надписью-окриком: «Стой! Частная собственность! Ты вступаешь на территорию родового поместья графов Бежецких». Александр только покачал головой на очередное отцовское чудачество: «Еще бы часового поставил!» и посигналил. Как и следовало ожидать, из пелены мельчайшего дождя, обыкновенного в этих болотистых, низменных местах, никто не появился. Пришлось Александру со вздохом вылезать из уютного тепла и сухости салона прямо в промозглую сырость и отодвигать препятствие самостоятельно. Больше всего добивало, что, проехав, пришлось снова вылезать и задвигать проклятое бревно на место: старик больше всего на свете ценил порядок и мог крепко обидеться за подобную небрежность даже со стороны сына (а может быть, на сына-то как раз и больше, чем на всех остальных).

Километра через два открылась сама усадьба, типовой образчик архитектуры эпохи Александра Благословенного. По семейным легендам, передающимся из поколения в поколение, прапрапрадед Александра был весьма чужд эстетике и к тому же порядком прижимист, но, пожалев денег на заграничного архитектора, вполне разумно не поскупился на добротные стройматериалы. Усадьба простояла без малого два столетия, однако капитальный ремонт был произведен всего лишь один раз, и то лейб-гвардии капитан Бежецкий, выйдя в отставку девять лет назад и желая провести на родине остаток дней своих, только кардинально реконструировал интерьер, практически не затронув конструкцию здания

и его внешнюю отделку. Так что вполне вероятно, что родовое гнездо графов Бежецких простоит еще немало лет и самому Александру предстоит поселиться здесь на склоне лет.

Отогнав легкую грусть, Бежецкий лихо подкатил к воротам и посигналил. Слава богу, хоть здесь-то привратник, престарелый Трофимыч, оказался на месте.

Отец, как всегда, на гвардейский манер, вскинув жесткий подбородок, выскобленный до синевы, стоял на террасе, ожидая, пока Александр поднимется по лестнице. Матушке давно уже было строго-настрого запрещено выходить навстречу сыну, но Бежецкий-младший знал наверняка, что старая графиня сейчас, сидя в гостиной в окружении верных горничных, состарившихся вместе с ней, с нетерпением ждет завершения раз и навсегда установленного ритуала встречи отца и сына.

Обычно процедура эта завершалась довольно быстро – ведь Александр, особенно в последние годы, после женитьбы и повышения по службе, стал редким гостем в поместье Бежецких, однако сегодня отец, подчеркивая свое недовольство сыном, решил держать марку до конца.

Александр, одолев лестницу, подошел к отцу и почтительно поцеловал слегка дрожащую руку («Стал сдавать старик, да-а!») со старинным драгоценным перстнем, который, если верить семейному преданию, стоил головы кому-то из татарских (или турецких?) вельмож еще в одном из первых Азовских походов.

– Здравствуйте, граф.

Отец, помедлив, кивнул:

– Здравствуйте и вы, граф.– Затем он сделал приглашающий жест в сторону открытой двери: – Прошу!..

Разговор, весьма жесткий, длился в графском кабинете уже около часа. Мать так и не дождалась сына, и теперь ее любимая горничная Фима каждые десять минут с регулярностью автомата стучала в двери со словами:

– Барыня просят господ к обеду!

После чего, с той же регулярностью, вылетала прочь от гневного окрика Бежецкого-старшего.

Все церемонии, скрупулезно продуманные старым графом в предвкушении визита сына, давно уже были забыты. Александр, скрестив руки на груди и вытянув скрещенные ноги, сидел в вольтеровском кресле у камина, а Павел Георгиевич мерил свой кабинет из угла в угол шагами такими быстрыми, что крыльями развевались полы старомодного домашнего сюртука.

В процессе беседы уже выяснилось, что Бежецкий-старший давно нашел по своим каналам (годы службы в гвардии не прошли даром) «виновника» неожиданного повышения сына по службе. «Слава богу, что Елена и ее неугомонные тетки здесь ни при чем,– думал Александр.– По крайней мере, совесть моя будет чиста, когда начнутся неизбежные сплетни и кривотолки». Маргарита уже намекала ему на при-

частность кого-то из приближенных князя Орлова, но проверить источник лишний раз никогда и никому не мешало. Видимо, один из последних громких «наркотических» скандалов с кем-то из молодых придворных, сынком или внуком одного из все еще сильных и весьма активных вельмож – тех, кто определял судьбы прошлого и особенно позапрошлого царствования, – вызвал цепную реакцию в умах царедворцев. В результате этого метафизического процесса на должность, уже определенную обстоятельствами, был избран не кто-нибудь из сиволапых выскочек, размножавшихся при дворе в последнее время с пугающей быстротой, а человек из своего круга – отпрыск благородного семейства, древностью своего родословного древа, возможно, даже превосходящий августейшую фамилию. Ничего особенного, из ряда вон выходящего не произошло, просто, как обычно случается в таких делах, победила замшелая «княжеская» партия.

Однако Павла Георгиевича крайне раздражало даже не то, что сын его, Александр, вступает в ряды «паркетного воинства», которое он, несмотря на всю свою жизнь, отданную лейб-гвардейскому полку, искренне презирал и ненавидел (причем, как подозревал Бежецкий-младший, не совсем объективно – слухи ходили разные...). Его бесило то, что Александр, которого он в своих мечтах всегда видел в сверкающих эполетах и орденах, честно заслуженных в победоносных кампаниях, верхом на белом коне... Одним словом, представляемый не менее чем боевым генералом сын добро-

вольно променял все это будущее великолепие после первой же постигшей его неудачи на презираемую всеми истинными военными профессию жандарма. А еще не оставляла досада, что, вопреки всем его прогнозам, этот башибузук еще и растет по службе! Отца совсем не волновало то обстоятельство, что Корпус, особенно за минувшее столетие, не только доказал свою очевидную роль в деле укрепления незыблемости трона, но и непосредственную жизненную необходимость для всего Государства Российского. Старик и ему подобные «аристократы мундира» мерили все категориями позапрошлого века, как и их отцы, бредили в юности героями Сенатской площади. Давно уже размылись в их памяти ужасы и потрясения начала и особенно середины прошлого столетия, когда именно Службы, и Корпус во главе их, удержали Империю, балансировавшую на лезвии бритвы. Не желали они замечать и реалий нынешнего...

Александр десятый раз за этот час давал себе мысленное обещание не отвечать на упреки отца, жалея старика, но тот снова и снова вынуждал его огрызаться.

– Ты знаешь, Саша, что я всегда был против твоего поступления на службу в Корпус. Графы Бежецкие со времен Мономаха не служивали в жандармах! Никогда не было среди отпрысков легендарного Бежца душителей свободы и палачей! И вдруг мой единственный сын, моя надежда!..

– Отец, при Владимире Мономахе не было жандармов и не существовало графских титулов. Один же из отпрысков

легендарного Бежца, не помню точно имени и кли... прозвища, проходил по ведомству небезызвестного Малюты Скуратова, причем далеко не в роли страдальца...

– Не передергивай, сын, то было жестокое время! Ты знаешь, что лейтенант Гвардейского флотского экипажа Ипполит Алексеевич Бежецкий, кстати, родной брат твоего прапрадеда, в священный для сердца верного сына Отечества день стоял на Сенатской...

– А сам прапрадед, штаб-ротмистр лейб-гвардии Конного полка, Константин Алексеевич, кстати с обнаженным палашиком, скакал по означенной площади...

– Но не был в рядах вешателей!

– Да, папа, я понимаю. Но ведь сейчас не рвут ногти и не подвешивают на дыбе, а я, между прочим...

Приостановившийся было Павел Георгиевич снова забежал по комнате:

– Я помню, Саша! Ты служишь в управлении по борьбе с распространением наркотических средств. Это нужное и благородное дело, особенно в настоящее время, но...

– ...но негоже персоне голубых кровей марать нежные ручки...

Старик ударил кулаком по столу:

– Не передергивай, Александр!..

Все пошло по-новому кругу.

После очередного выдворения неутомимой Фимы Александр увидел, что отец выдыхается, и поспешил ему на по-

мощь. Он вскочил (хотя это было совсем непросто – глубокое кресло никак не желало его отпускать) и, подойдя к отцу, обнял его за плечи и прижал к себе.

– Папа, я понимаю все ваше негодование, но назначение в Дворцовую Службу не только карьера, вы понимаете это? Я совсем не рвусь в паркетные шаркуны, как вы их называете. Мне так же, как и вам, противны интриги и придворные интриганы, а в особенности ненавистный вам Челкин. Но я служу не им, а России и Государю, как все Бежецкие от пращуров, на своем месте по мере сил...

Александр почувствовал, как отец, уткнувшийся в его грудь, всхлипнул...

Окончательное перемирие в семье Бежецких наступило за семейным столом. Там же было решено вечером по случаю приезда дорогого и, увы, в последнее время нечастого гостя устроить званый ужин. Несмотря на сопротивление Александра, родители срочно послали за соседями. Не избалованные развлечениями в своей глуши барон и баронесса фон Штильдорф, а также еще несколько соседних помещиков не заставили себя долго ждать. Большинство стариков помнили молодого графа еще ребенком, а многие из них в свое время лелеяли «наполеоновские» матримониальные планы в отношении своих отпрысков, сплошь девиц самого разного возраста. К сожалению, судьба-злодейка рассудила по-своему... Однако престарелая княжна Гриневицкая, старая дева

весьма почтенного возраста, все же притащила с собой одну из племянниц, правда весьма приблизительно подходящую по возрасту для замужества. Естественно, старая карга великолепно знала о нынешнем семейном положении Александра, но чем, как говорится, черт не шутит... Остальные присутствующие, не говоря уже о Бежецких-старших, тактично молчали, ибо старуха была злопамятна и мстительна, а связями и опытом склок и дрызг бог (или все же черт, что ее приволок?) ее явно не обидел.

Большинство из гостей по старинке, невзирая на современные автомобили, заменившие запряженные лошадьми кареты, на телевидение и информационные системы, вожде-лили послушать последние столичные сплетни, перемыть косточки персонам известного толка, да и (о времена, о нравы!) самому Государю Императору, искренне осуждаемому здесь, в провинции, за пристрастие к «этому parvenu» Челкину, появлявшемуся на экранах и страницах газет чуть ли не чаще «самого»...

После долгих приветствий, общих многословных восторгов цветущим видом и стремительной карьерой виновника торжества, сожалений по поводу отсутствия супруги, разного рода и по разным поводам охов и ахов, званый ужин, собственно, начался. Однако, согласно устоявшейся традиции, плавное течение застолья, к ужасу графини Марии Николаевны, баронессы фон Штильдорф и прочих присутствующих дам, через некоторое время было прервано. Старые

граф и барон, отдав должное горячительному разнообразнейших сортов, вскоре захмелели и со светского обсуждения перспектив службы Бежецкого-младшего на новом посту и нравов императорского двора привычно скатились к вечной своей склоке, к которой тут же с готовностью присоединились присутствующие.

Как всегда, в речи слегка неадекватного по причине алкогольного опьянения, а по-русски выражаясь, поддатого фон Штильддорфа, несмотря на жизнь, проведенную в стране березового ситца, сквозили прусские интонации. Не уступавший ему по степени подпития граф становился убийственно чопорным, словно английский лорд. Впрочем, это не мешало им приводить абсурднейшие с точки зрения постороннего слушателя (причем, увы, почти трезвого) аргументы, опровергаемые уже перлами абсурдности. Приводились длиннейшие цитаты из самых разнообразных источников, как говорится, от Адама до последнего номера «Губернских ведомостей», безбожно перевираемые и выдираемые с мясом из контекста. Гремели обвинения, да что скрывать, и прямые, хотя и завуалированные изящными оборотами, оскорбления. Мало-помалу атмосфера за столом приближалась к тому градусу накала, которого втайне желала большая часть собравшихся, предвкушавших действие, называемое с некоторых пор модным английским словечком «шоу».

Александр, которому, признаться, эта пьеса провинциального театра, давно известная вплоть до малейшей репли-

ки, уже порядком надоела, извинившись, покинул гостей по причине духоты, и не только... Гриневицкая-младшая, девушка за тридцать (ну очень далеко за тридцать), расстреляла глазами, вероятно, уже пару-другую магазинов, и браваый ротмистр всерьез печалился об отсутствии бронежилета (хотя бы простенького казенного, а не сверхнадежного «Карла-Густава») и намеревался перед сном осмотреть грудь под сорочкой на предмет выявления огнестрельных ран и вонзившихся стрел Амура.

Нудный дождик наконец счел свое дело законченным, и в разрывы туч поглядывали яркие здесь, вдали от городской гари, звезды. Александр вдыхал ароматы садовых цветов и напоенной влагой земли полной грудью с таким удовольствием, что, держа в руке сигарету, никак не решался закурить, чтобы не разрушить очарования старого сада. Погружение в нирвану было столь приятным, что, почувствовав легкое прикосновение к плечу, он вздрогнул всем телом, вдруг испугавшись, что беспокоит его незаметно подкрававшаяся под покровом темноты неутомимая «диана-охотница», сиречь упомянутая выше девица Гриневицкая. Однако уже через мгновение с облегчением понял, что ошибся.

– Извините, Александр Павлович, я вас потревожил, – услышал он знакомый глуховатый голос, принадлежавший Сергею Кирилловичу Войкову-Юнашу, небогатому многодетному помещику, владельцу одного из заречных имений.

Александр с детства знал одного из его сыновей, длинно-

го как жердь очкарика Эдика, вместе с которым несколько лет протирал штаны в гимназии. Насколько помнил Бежецкий, Юнаш-младший с отличием закончил Юрьевский университет и сейчас строил карьеру в какой-то русско-шведской электронной фирме. Кажется, он довольно рано женился и по примеру папаша обзавелся кучей детишек, причем злые языки утверждали, что его супруга знатностью отнюдь не блистала. Что-то там шутил на эту тему их гимназический записной остряк Николенька Саболудов, которого все в глаза дразнили Словоблудовым, на недавнем балу, посвященном юбилею их выпуска...

– Нет, нет, ни в коем случае, Сергей Кириллович. Я просто задумался.

Юнаш облокотился на перила рядом с ротмистром и достал из кармана старомодный серебряный портсигар.

– Закуривайте, Александр Павлович, у меня тут самодельные. Сам, знаете ли, набиваю из специальной смеси.

Александр вежливо отказался, сославшись на известную всем крепость самодельных юнашевских папирос, и пошутил:

– Надеюсь, дорогой Сергей Кириллович, ваши папиросы без травки-с?

Оба расхохотались, довольные друг другом. Поговорили так, ни о чем. Александр расспросил старика об Эдике, тот, в свою очередь, о юной супруге, планах относительно наследника. Александр, как надеялся, удачно отшутился и, чтобы

переменить тему, припомнил один из Володькиных анекдотов, не из числа самых неприличных. Сергей Кириллович, не лишенный чувства юмора, с удовольствием посмеялся и рассказал свой, не менее «солёный», причем ни разу не слышанный Бежецким.

За фривольными анекдотцами разговор как-то сам собой свернул на проторенную дорожку – на женщин. Пожилой помещик был весьма тонким собеседником, и неторопливая беседа с ним доставляла Александру удовольствие гораздо большее, чем сидение в душном зале и набившая оскомину стариковская перепалка, судя по звукам, доносившимся на террасу, катившаяся по наезженной колее. Бежецкий, не отвлекаясь от разговора, жестом подозвал пробежавшего молодого лакея, отдал ему шепотом распоряжение и вскоре на перилах удобно разместился серебряный чеканный подносик с пузатым графином, рубиново отсвечивающим под падающим из комнаты лучом света, крохотные рюмочки и не лишенная изысканности закуска.

– Конечно, – продолжил Юнаш, смакуя ароматную наливку, – наши провинциальные дамы, естественно, не чета столичным...

– Позвольте с вами не согласиться, Сергей Кириллович. – Александр решил подыграть старику. Ему с детских лет imponировал отец однокашника.

– Полноте, Александр Павлович, разве может сравниться подлинный столичный шарм с нашим губернским неумелым

подражанием...

– Вы слишком суровы, Сергей Кириллович, к местным дамам. Среди них есть истинные образчики... – Александр невольно вспомнил прожигающие насквозь взгляды «юной» княжны Гриневицкой и потерял нить тщательно продуманной фразы, сделав вид, что зачарован прихотливым танцем крупного ночного мотылька, видимо принявшего рубиновое сияние графина за новое светило.

Юнаш уловил состояние графа и едва заметно улыбнулся тонкими губами, приподняв кустистую стариковскую бровь.

– Кстати, граф, вы по приезде еще не встречались с графиней Улленхорн? Мне кажется...

Александр устыдился своего порывистого движения:

– Как, Сергей Кириллович, разве Матильда Ивановна...

Юнаш снова улыбнулся:

– Да-да, Александр Павлович, она уже почти полтора месяца отдыхает у своего батюшки в их поместье, причем замечу вам: расцвела наша северная роза чарующе. Матильда Ивановна, позвольте вам...

Слова Сергея Кирилловича были внезапно прерваны. В гостиной обстановка, видимо, накалилась до предела. Раздался грохот и звон посуды, истеричный женский визг. Похоже, спорщики решили перейти от слов к действиям...

Так оно и оказалось: оба старых задиры, не обращая никакого внимания на цепляющихся за них женщин, решительно шагали к выходу в сад, вздернув подбородки и демонстра-

тивно не глядя друг на друга. За ними семенил ветхий, чуть ли не столетний лакей Лукич со старинным полированным футляром красного дерева на вытянутых, заметно дрожащих руках.

«Так, старики, как всегда, dospорились до дуэли!» – констатировал про себя Александр и, слегка зевнув и извинившись за это, попрощался с заметно оживившимся в предвкушении предстоящего зрелища собеседником. Послезавтра к десяти утра он должен быть во дворце, оставшийся день под родительским кровом хотелось бы провести более рационально, чем утопая в перинах до обеда. Следовательно, встать нужно пораньше, а время уже позднее...

Вот уже более часа как стих шум в саду и в доме, причем, судя по отсутствию выстрелов, старики как всегда пошли на мировую, не доходя полушага до барьера. После распятия мировой и непродолжительного фуршета, перенесенного для удобства прямо под яблони, гости постепенно разъехались, и чуткую тишину нарушала только лениво, как бы по принуждению или выполняя опостылевший долг, лениво побрехивающая вдалеке собака. Несмотря на то что еще недавно на террасе глаза Александра слипались, капризный сон никак не приходил. Непривычно мягкие перина и подушка, взбитые заботливыми руками кормилицы Варвары, раздражали несказанно. Где-то за множеством стен упорно, как каторжник, готовящий побег, упорно пилил свою нескон-

чаемую цепь сверчок. Ночное тепло казалось невыносимой духотой, но вызывала ужас даже мысль о том, что нужно открыть окно (за которым, как знал по опыту Александр, нетерпеливо точили свои ятаганы полчища свирепых болотных комаров-вампиров), тем самым обрекая себя если не на смерть, то на такой непрезентабельный вид поутру...

Однако все эти неудобства, конечно, были только благими предложениями, подсовываемыми услужливым подсознанием: мысли Александра были заняты, увы, не комарами или ночной духотой, а такой близкой и такой недоступной Матильдой.

Мучимый сладким томлением Бежецкий неоднократно вскакивал с постели и хватался за сигареты, но, вовремя вспомнив о невозможности открыть окно, снова швырял их на стол и кидался ничком на измятую постель.

Некоторое время спустя мучения наконец достигли предела, требовавшего хоть какого-нибудь действия. Александр решительно поднялся и принялся лихорадочно одеваться. Уже не думая о кровопийцах, сразу же обрадованно облепивших лицо и руки, он легко перемахнул подоконник и спрыгнул в росистую траву.

Неслышно пройдя знакомыми дорожками, несколькими минутами позже он уже тихонько стучал в окно стоявшей на отшибе избушки конюха Тимофея, ровесника и бывшего товарища по детским играм и шалостям.

– Тимоха-а, проснись! – встряхнул он ошалело протирав-

шего со сна глаза располневшего за годы сытой и необременительной службы при почти не используемой графской конюшне давнего приятеля.— Седлай-ка Воронка, Тимка, да побыстрее. Время не ждет...

Полная серебристо-белая луна низко висела над лесом, с любопытством заглядывая краешком в приоткрытое, но с немецкой педантичностью затянутое полупрозрачной сеткой, окно флигеля. Фру Матильда Улленхорн, закинув точеные хорошо видимые под невесомой тканью пеньюара руки за голову, лежала в полумраке, следя за неторопливым шествием ночного светила по небосводу. Давно забыт скучный французский роман, небрежно брошенный на изящный столик у кровати. Обычно пара страниц этого весьма неумного и старомодно выпрненного сочинения уже вызывала необоримый сон. Обычно... Сегодня весь день, с того самого мгновения, как горничная Стеша, вертлявая и болтливая девчонка, принесла известие о визите в соседнее имение молодого графа, все без исключения валилось из рук. К вечеру, когда пожилая чета фон Штильддорфов засобиралась в гости к своим старинным приятелям, Матильда, сославшись на мигрень, наотрез отказалась их сопровождать, вызвав неудовольствие матери, Лизелотты Фридриховны.

Однако, оставшись одна, Матильда никак не могла найти себе места, хваталась за множество дел и бросала их, едва начав. Поочередно летели в угол рукоделье и роман, изящная безделушка и альбом с фотографиями... Нет, одна поблек-

шая, почти потерявшая цвета фотография за день чуть ли не сотню раз извлекалась из потайного ящика стола и в сердцах пряталась обратно. Руки сами собой тянулись разорвать плотный картон и бессильно опускались, разглаживая невидимые складки на блестящей поверхности. С фотографии на женщину задорно смотрел юный граф в юнкерском мундире, пытающийся ухарски закрутить еще по-детски редкий ус. Юный граф, ее дорогой Саша... Любопытная Стеша, попытавшаяся было заглянуть через плечо, заработала звонкую пощечину, через мгновение заглаженную потоком горячих поцелуев.

Начав день бескомпромиссным решением не вспоминать ветреного друга детства, Матильда к вечеру уже готова была бежать в Бежцы, лишь усилием воли сдерживая порыв. Чтобы отвлечься, она старалась вспомнить все обиды, нанесенные Александром чуть ли не с младенчества. Но, странное дело, казавшиеся ранее омерзительными и подлыми, все проступки молодого графа спустя годы виделись невинными детскими шалостями или всего лишь не лишеными пикантности проделками...

Видел бы сейчас страдающую, мятущуюся и прямо-таки разрываемую чувствами на части супругу ее вечно занятой муж, прямой потомок древних бородатых ярлов в рогатых шлемах, бороздивших некогда северные моря под сине-желтым полосатым парусом, но сам в отличие от них и внешне, и внутренне похожий на мороженую треску. Так дол-

го лелеемая им северная чопорность дражайшей половины трескалась и осыпалась засохшей коростой, обнажая вечно юную страсть истосковавшейся по человеческим чувствам, наконец, просто по любви молодой красивой женщины. Нет, встряхнуть себя, разогнать застоявшуюся кровь случилось и прежде: принципиальной затворницей фру Улленхорн не была никогда, но так...

– Ну что ты разволновалась, как пятнадцатилетняя девчонка? – Матильда, чтобы успокоиться, прибегла к старому испытанному средству, не раз выручавшему ее, такую несчастную и одинокую, на первых порах в чужой и неприветливой Швеции. Подолгу беседуя сама с собой, она, ограниченная в общении с не знающими русского, немецкого и французского языков соседями и домашними, обретала душевное равновесие, изгоняла тоску. – Неужели ты до сих пор можешь думать об этом повесе? Не пора ли тебе, милочка, собираться домой в Стокгольм? Кажется, русский воздух не самым лучшим образом влияет на тебя...

Луна, переместившаяся точно в центр окна, казалось, сочувственно кивала, внимая беседе графини со своим «эго». Призрачные пятна на сверкавшей жемчужным светом поверхности временами складывались в скорбное лицо покойной бабушки, обожавшей единственную внучку и бесконечно обожаемой ею, а временами диск ночного светила дрожал и расплывался... Наконец очистительные слезы, прорвав долго и любовно возводимую плотину, хлынули обиль-

НЫМ ПОТОКОМ.

Матильда, махнув рукой на все условности, рыдала со сладким полузабытым чувством незаслуженно наказанной девочки, обняв руками подушку-подружку и уткнув в нее лицо. Казалось, с каждым всхлипом печаль мало-помалу отдалялась, переживания, еще секунду назад казавшиеся трагедией, заволакивались мягкой туманной пеленой, сглаживающей колючие углы и острые грани, мгновение назад безжалостно, в кровь резавшие обнаженную душу...

Внезапно женщина оборвала поток слез и рывком подняла с подушки мокрое лицо – среди привычных звуков ночного сада ей почудился осторожный шорох. Что это такое? Пробежал по своим делам еж или?..

Из темных углов комнаты тут же, словно только и дожидались, полезли извечные девичьи ночные страхи, полузабытые в далеком Стокгольме, где изо всей нечисти обитали только скучные и непонятные выросшей на русских сказках девушке гномы, тролли да фамильные привидения тех личностей, которых во времена оные, лет триста назад, со знанием дела и упоением лишали жизни или гноили в промозглых подземельях предки графа Улленхорна – дети своей жестокой эпохи. А вдруг это крестьяне, недовольные бароном, решили по своему дикому обычаю «пустить красного петуха»?.. Нет, это тоже из области истории, да и с чего бы сердиться зажиточным, поколениями перенимавшим множество немецких привычек обитателям окрестных дере-

вень на добрейшего фон Штильдорфа?

Шорох повторился, и Матильде уже стало по-настоящему страшно и любопытно одновременно. Превозмогающая страх и каждую секунду готовая кинуться обратно в постель и укрыться с головой одеялом (как будто одеяло могло спасти ее от злобных врагов с загадочным «красным петухом» за пазухой), она по стеночке подкралась к окну и осторожно выглянула... Ноги сразу же стали ватными, а спасительная кровать невозможно далекой: под окном, облитый серебряным ореолом лунного света, на фоне поблескивающих глянцевиными листьями кустов сирени вырисовывался темный мужской силуэт. Это не злоумышленник. Это мог быть только...

– Саша!..

Робкий рассветный луч защекотал лицо Александра и разом пробудил. Сразу вспомнилось все, окатив волной смешанного чувства стыда, раскаяния и огромного, прямо-таки вселенского счастья. Осторожно, чтобы не потревожить сон крепко спящей женщины, Бежецкий приподнял голову.

Рядом, доверчиво положив голову на сгиб его руки, сладко спала Матильда, и счастливая улыбка играла на ее припухших губах. При виде женщины, столь беззащитной и прекрасной, ротмистра пронзило такое острое сожаление, что она принадлежит не ему, что он чуть не застонал. Он уже понимал, что стремительная ночная скачка, объятия и затянувшийся, кажется, на века, поцелуй, а затем яростная борь-

ба нагих страстных тел – все это лишь мимолетный подарок судьбы, не сулящий ничего, кроме тоски и воспоминаний. Нужно, просто необходимо было, стараясь не нарушить драгоценного сна, встать и навсегда покинуть этот дом...

Внезапно пушистые ресницы вздрогнули, и на Александра глянули бездонные зеленые омуты глаз, скрутив и отняв даже малейшее желание сопротивляться...

4

Бекбулатов проснулся оттого, что заложило уши. Самолет довольно резко снижался, прорывая похожие на взбитые сливки плотные облака. Полет подходил к концу, и Владимир, в силу природной живости с трудом переносящий всякого рода неподвижность, воспрянул духом. Забывшись спросонья, штаб-ротмистр потянулся затекшим от сна в сидячем положении телом и, не удержавшись, чертыхнулся от резкой боли в покалеченных ребрах. Несмотря на бодрость, артистически продемонстрированную перед отлетом Бежецкому, приехавшему в аэропорт проводить друга, и соответствующую моменту анестезию в виде изрядной дозы «шустовки», принятой сразу же после взлета, ребра ныли немилосердно. Срочно требовалось лекарство!

Владимир, на этот раз со всей осторожностью, слегка привстал в кресле, увидел бортпроводницу с внешностью рекламной дивы и призывно пощелкал в воздухе пальцами. Спустя несколько секунд у подлокотника кресла замерла сверкающая никелем тележка, уставленная разнокалиберными бутылками, а сама дива дежурно радушно сверкнула безупречным рядом зубов:

– Коньяк? Шампанское? Сельтерская?

Бекбулатов выбрал «соточку» любимого напитка и, чтобы не выглядеть совсем уж неотесанным мужланом, со всей

учтивостью предложил соседке разделить с ним выпивку. По легенде он, казанский промышленник средней руки, имевший деловые интересы по всей России, не был испорчен великосветскими манерами.

Соседка, весьма пожилая дама, держащая на коленях микроскопического мопсика в устрашающих размеров наморднике и хорошо помнящая, вероятно, самое начало позапрошлого царствования, со всем возможным в таком хрупком и немогущем тельце возмущением глянула на Владимира так, как будто хотела сжечь его на месте. В ее выцветших до бесцветности глазах читалась такая неприязнь, что Бекбулатов едва не подавился коньяком. Еще бы: здоровенный мужик, явный простолюдин да еще к тому же татарских кровей, способный не только сладко спать в этом летающем гробу, но и поглощать в неумеренных количествах спиртное! Как только таких вообще пускают в самолеты, да еще в первый класс!

Однако, несмотря на добавку в виде пышущей яростью старушенции, неплохой коньяк быстро возымел свое благотворное действие, и боль в потревоженном боку несколько улеглась. В иллюминаторах уже показался стандартный унылый пейзаж аэродромной зоны отчуждения и замелькали плиты посадочной полосы. Владимир приготовился было к знакомой вибрации, вытрясающей душу, но самолет коснулся земли и побежал, замедляя ход, неожиданно мягко. Видимо, за пару лет, прошедших после последнего визита Бекбулатова в столицу Каменного Пояса, местные власти успе-

ли реконструировать аэропорт, по крайней мере, привести в божеский вид взлетку.

Взревели в последний раз турбины, и появившийся на телевизионном экране передней стены салона кинозвездный пилот (явная видеоподделка в угоду некоторым стареющим пассажиркам), белозубо улыбнувшись, сообщил, что самолет авиакомпании «Крылья России» совершил посадку в аэропорту Кольцово города Екатеринбурга, столицы одноименного наместничества, а пассажиров просят... и прочая, и прочая, и прочая.

После некоторой неизбежной в России волокиты подали трап, и пассажиры, дисциплинированно изнывавшие на своих местах, организованно потянулись к выходу. Бекбулатов не торопился, тем более что на гостеприимной уральской земле его никто не встречал. Дабы загладить причиненные соседке неудобства, Владимир галантно предложил ей руку, чтобы помочь выбраться из глубокого кресла, но старушка либо все еще дулась, либо после долгого полета вообще ничего не соображала. Пробурчав нечто вроде «татарского засилья на матушке-Руси», она после нескольких попыток собственными силами покинула не желавшее отпускать кресло и, прижимая собачонку, тоже пребывавшую в прострации, к сухонькой груди, резво засеменила к выходу.

Владимир спустился по трапу одним из последних, по пути привычно выцыгавив телефончик у приглянувшейся ему симпатичной бортпроводницы, удачно оказавшейся неза-

мужней. Багажом штаб-ротмистр себя обычно не обременял, в здании аэровокзала делать ему было совершенно нечего, поэтому, не заходя в душный автобус, куда набивались пассажиры, он бодрым шагом направился напрямиком на автостоянку, где его уже должен был поджидать «Русско-Балтийский» 550-й серии (гулять так гулять), предусмотрительно заказанный и оплаченный еще вчера в Питере.

Как и следовало ожидать, шикарный автомобиль оказался на месте. Вокруг него, протирая и без того сверкающие детали, суетился парнишка в ярко-зеленой курточке и такой же кепке с эмблемой прокатного агентства. Завидев уверенно приближавшегося столичного даже на вид гостя, мальчишка сорвал кепи и с поклоном почтительно распахнул дверцу авто. Владимир, плюхаясь на прохладную кожу сиденья, лишь важно кивнул ему. Осмотревшись, покрутив руль и пощелкав многочисленными клавишами, Бекбулатов повернул ключ зажигания, сунул рассыпавшемуся в благодарностях парнишке скомканную трехрублевую купюру на чай и рванул с места. В столице Урала у него пока дел не было (сначала работа, господа, а развлечения потом-с...), поэтому сразу от аэропорта он по эстакаде вывернул на нужную ему трассу.

Красавец-автомобиль, едва слышно гудя мощным многолошадным двигателем, мчался по прямому как стрела автобану Екатеринбург – Челябинск, без малейших усилий оставляя позади редкие попутные машины. Несмотря на вто-

рой час за рулем, Владимир совсем не утомился. Он любил уральские дороги. Наверное, только здесь да еще в Сибири можно было так отдохнуть за рулем, проносясь на хорошей скорости десятки километров и почти не встречая населенных пунктов. На отличной трассе (продукте дорожного бума шестидесятых, не заковавшего в бетон и асфальт, вероятно, только лесные тропинки и болотные гати) при скорости в сто тридцать километров в час «пятьсот пятидесятый» шел даже не покачиваясь. Как говорится: поставь на капот стакан воды, не прольется ни капли. Увлечшись полетом, а иначе подобную езду и не назовешь, штаб-ротмистр мурлыкал под нос что-то бравурное, хотя на передней панели, естественно, находились и радиоприемник, и проигрыватель с солидной пачкой лазерных дисков, закрепленных рядом в зажиме. Одним из пунктиков Бекбулатова было то, что за рулем он, ярый меломан в обычных условиях, не признавал никакой музыки. На многочисленные вопросы и подначки знакомых Владимир стоически объяснял: «Каждый подданный Российской Империи имеет право на энное количество собственных, только ему присущих заморочек...» На самом деле (и в этом Бекбулатов не признался бы и самому себе) он панически боялся уснуть за рулем, так как именно попса и именно в этих условиях действовала на него как сильнейшее снотворное. При первых же звуках легкой музыки вкупе с гипнотизирующим урчанием мотора перед его глазами вставало страшное видение из раннего детства – «обнявший»

столб покореженный автомобиль, сирены карет «скорой помощи», пятна крови на мостовой и страшные слова матери: «Задремал за рулем...» Бр-р-р!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.